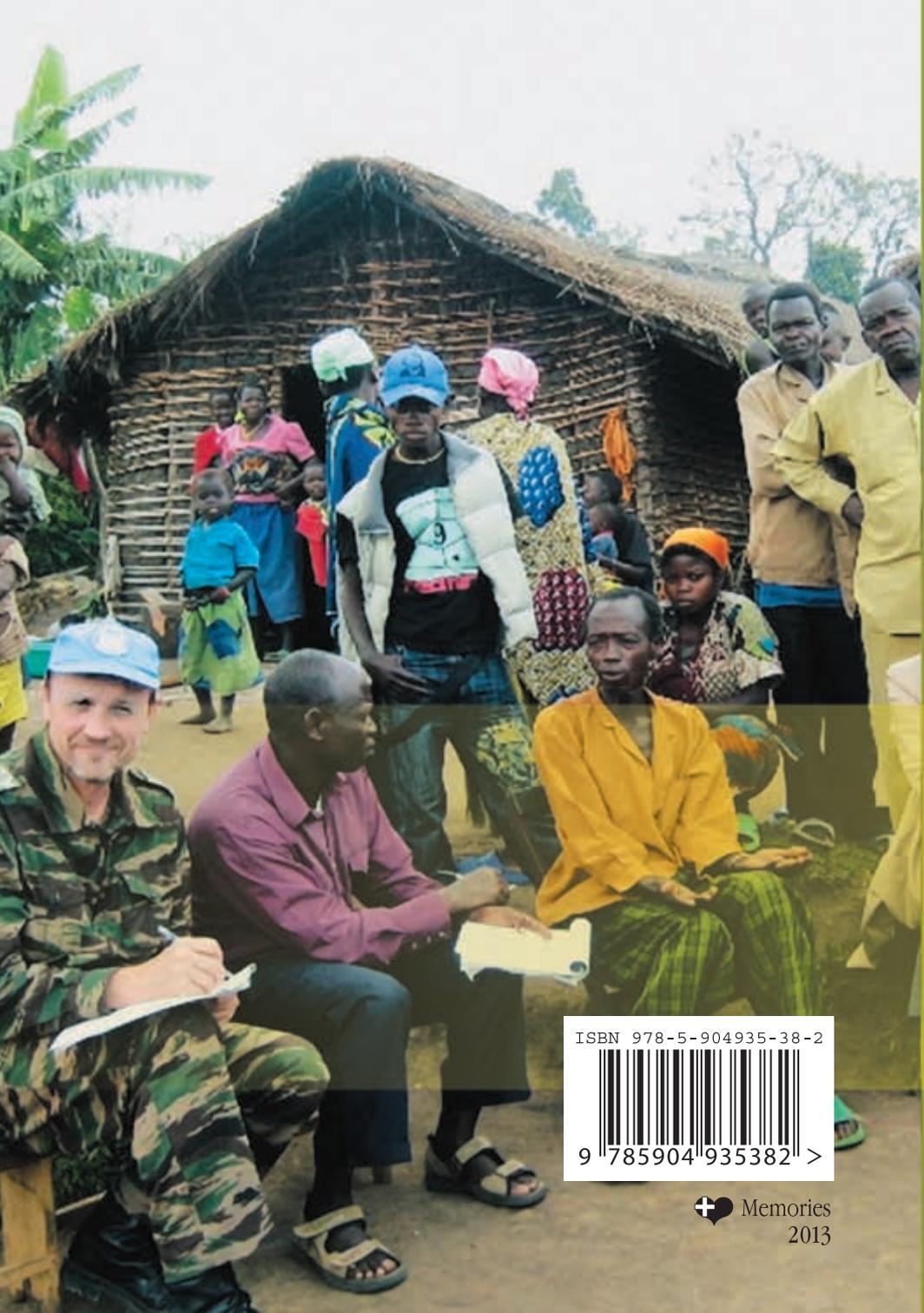

A photograph of two men in military-style camouflage uniforms standing in a field. The man on the left is a white man with a light blue cap, smiling. The man on the right is a Black man with a serious expression, holding a wooden staff. The background is a lush, green field with trees. A semi-transparent yellow banner is overlaid across the middle of the image, containing the title and subtitle in red and black text respectively.

ООН В АЗИИ И АФРИКЕ

(воспоминания российских офицеров-миротворцев)

ISBN 978-5-904935-38-2

9 785904 935382 >

✚ Memories
2013

ООН

в Азии и Африке

*(воспоминания российских
офицеров-миротворцев)*

 Memories

Москва
Издатель И.Б. Белый
2013

ББК 63.3 (6)
О-59

Редакторы-составители:

к.и.н. **Шубин Геннадий Владимирович**
к.и.н. **Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна.**

Дизайнер-верстальщик **Рудакова Елена Евгеньевна.**

О-59 **ООН в Азии и Африке (воспоминания российских офицеров-миротворцев).** — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2013. — 160 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-38-2

ББК 63.3 (6)

© Шубин Г. В., составление, 2013

© Кузнецова-Тимонова А. В.,
составление, 2013

© «Memories», оформление, 2013

© Издатель И. Б. Белый, 2013

ISBN 978-5-904935-38-2

Содержание

ЖДАРКИН Игорь Анатольевич,

военный переводчик,

подполковник запаса..... 5

САВИН Александр Иванович,

подполковник запаса..... 62

СЕРГЕЕВ Александр Петрович,

майор запаса..... 83

ТОЧИГИН Михаил Юрьевич,

подполковник запаса..... 112

ЖДАРКИН ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ, военный переводчик, подполковник запаса

В 1996 – 1998 гг. находился в составе миротворческого контингента, в миссии ООН в Анголе¹.

Если в целом говорить о войсках **ООН**, о той системе, которая существовала и поныне существует, то миротворческие силы – воинские контингенты **ООН** – делятся на две части. Первая – **Peace-making forces**, которые буквально принуждают к миру противоборствующие стороны. Вторая – **Peace-keeping forces**, которые вводятся в ту или иную страну для поддержания мира, разъединения противоборствующих сторон.

Я проходил службу именно в **Peace-keeping forces**. Это были миротворческие силы, направленные в **Анголу** для поддержания мира и разъединения

¹ Впервые **И.А. Ждаркин** был командирован в Анголу в августе 1986 года после ускоренных курсов португальского языка ВИИЯ. Подробнее об этой командировке можно прочитать в книге воспоминаний «Такого не было даже в Афгане...». Воспоминания участника гражданской войны в Анголе. 1986 – 1988 гг.» / И.А. Ждаркин. – М.: Memories, 2008. Настоящие его воспоминания относятся к 1996 – 1998 гг., то есть к другому периоду гражданской войны в Анголе. Запись сделана 27 июля 2010 года **А.В. Тимоновой**.

противоборствующих сторон – правительственных войск **Анголы ФАПЛА** и вооруженной оппозиции **УНИТА**; как раз тогда осуществлялась очередная попытка их примирения. Я служил там в течение **1996 – 1998 гг.**, с промежутком в полгода. Называлась эта миссия **UNAVEM – United Nations Angola Verification Mission**, и это была уже **UNAVEM III**: до этого предпринимались миссии **UNAVEM** и **UNAVEM II**. Потом наша миссия была переименована в **MONUA** – это уже португальски (**Missão de Observação das Nações Unidas em Angola**).

Российский воинский контингент в составе миротворческих сил ООН представлял собой российский вертолётный отряд, назывался по-английски **Russian Air Support Unit** (проходил по российским документам как «Российская авиационная группа»). В общей сложности, там служило 160 человек – на семи вертолётах. Все были офицеры, младшие офицеры и прапорщики, солдат не было. Даже курсанты-переводчики, которые там служили, мои ученики, были сразу «произведены» в лейтенанты (им сказали носить погоны лейтенанта), что им по службе очень помогало: офицер – особенно для азиатов и африканцев – это Бог, а курсант – это и есть курсант, кто угодно, солдат, сержант, только не офицер, и слушать его никто не будет.

Кроме вертолётного отряда там находились российские военные наблюдатели и несколько российских штабных офицеров.

Вообще военная структура **ООН** подразделяется на несколько т.н. подструктур: штаб – штабные офицеры (UN staff officers), которые работают непосредственно в штабе миссии или в штабах округов; военные

наблюдатели – UN military observers, которые приезжают из разных стран, например, конкретно в нашей миссии были представители 35 стран, не только военные, но и гражданские; и, непосредственно, воинский контингент (UN military contingent) – те, кто приезжает с оружием, на своей технике, то есть именно войска **ООН**. Правда, у нас оружие как таковое было только в штабе. Так что мы – группа офицеров по связи и взаимодействию (в Луанде) – и наш вертолётный отряд – были практически безоружны.

Работа военных наблюдателей заключается в том, что они находятся на т.н. «**тим-сайтах**» (team site) – наблюдательных постах, расположенных в большинстве своём не на правительственных, а на контролируемых повстанцами **УНИТА** территориях. И единственная их защита – это **эмблема ООН**. Оружия у них, если это **Peace-keeping forces**, нет никакого. То есть, если говорить откровенно, то этот наблюдательный пост могут в любой момент захватить, наблюдателей избить, отобрать машину в лучшем случае, разгромить их пункт, и в худшем случае – просто убить. И потом – заявляй, не заявляй протесты, только человека уже нет, и его с того света не вернёшь. А так случалось, и неоднократно. И в том числе – с советскими наблюдателями, в частности, на **Ближнем Востоке**, об этом даже снят фильм, там играют замечательные актеры **Борис Щербаков** и **Арнис Лицитис**², одним из консультантов этого фильма был **Кузьмин Валерий Васильевич**, мой дядя, который сам в свое время проходил службу на Ближнем

² Многосерийный телефильм «Русский перевод».

Востоке в качестве советского военного наблюдателя (Светлая ему Память!).

Немного о структуре **ООН**, чтобы было понятнее. Она делится на военную и гражданскую «ветви». Сначала в страну прибывают военные контингенты, которые более-менее устанавливают мир.

Хотя всё равно, как правило, получается довольно зыбкий мир – потому что очень часто случалось так, даже и в **Анголе**: противоборствующие стороны начинали обстреливать друг друга через головы ооновских военных, пули и снаряды просто пролетали через территории, занятые войсками **ООН**. Случалось и такое: воюющие стороны запросто проходили через занятые войсками **ООН** территории навстречу друг другу, а ооновские отряды не имели никакого права им в этом препятствовать.

А потом уже прибывали гражданские органы миссии **ООН**.

И ещё – если не совсем политкорректно выразиться – миссия ООН – это большая корзина для «отмывания белья» и превращения его в деньги! Скажу одно: миссия ООН в **Анголе** стоила миллион долларов в день. То есть, триста шестьдесят пять миллионов в год. Это была самая дорогая миссия на то время. На что тратились деньги? На те самые **peace keeping operations** – операции по поддержанию мира, разъединению противоборствующих сторон.

◆ Немного о том, как российские офицеры направляются на службу в войска ООН: есть ли какой-либо отбор, какие учитываются заслуги, как все это осуществляется.

Что касается структуры военных наблюдателей, то в любой стране, которая платит «членские взносы» в **ООН**, есть так называемый Центр подготовки наблюдателей **ООН**. В **России** такой центр находится – по крайней мере, находился до недавнего времени – в **Солнечногорске**, в учебном центре нынешней Общевоинской академии, раньше это была академия имени Фрунзе. **Солнечногорск** – это **Подмосковье**, там был очень хороший учебный центр, готовил именно наблюдателей для ООН.

Кто и как приходил на курсы наблюдателей ООН? Раньше там было очень много переводчиков – потому что их не нужно было учить языку, в частности, английскому, и подготовить их для выполнения таких обязанностей было, конечно, гораздо легче. Хотя всегда у нас было немало офицеров – и советских, и позже российских – которые сами изучали английский, достаточно хорошо им владели, и были профессионалами в своей области – танкисты, пехотинцы, десантники, морпехи. Они тоже поступали на курсы в этот учебный центр, успешно их оканчивали и получали распределение в миссию **ООН**, в какую-либо страну. Стран всегда было немало.

◆ Сам Ты проходил там подготовку?

Нет. Дело в том, что я был непосредственно в воинском контингенте **ООН**. Что это значит? В определённый момент требовались военнослужащие какой-либо специальности – морпехи, танкисты, связисты (самые востребованные воинские специальности) – которые прибывали и исполняли свои прямые обязанности;

так, например, португальская рота связи обеспечивала связь для всей миссии **ООН в Анголе**.

У нас, в данном случае, был вертолётный отряд: наши вертолётчики потребовались для того, чтобы перевозить наблюдателей, личный состав войск **ООН**, комиссии по расследованию причин нарушения условий соглашения о прекращении огня (cease fire agreement violation).

Почему для такого рода деятельности пригласили непосредственно россиян? Потому что у нас были и остаются замечательные вертолёты **Ми-8**, которые постоянно модернизируются. Мы работали там на вертолётах **Ми-8-МТВ**, достаточно мощные, которые могут садиться практически в любой местности – в **Афганистане** они вообще на скалы садились, и всё было нормально. Ещё для этой работы подбирались вертолётчики, которые до этого имели опыт полетов в **Афганистане**, в **Таджикистане**. Мой командир экипажа – тогда майор **Владимир Алимов** – ныне полковник, заслуженный лётчик России, он получил звание **Героя России за Чечню**. Инженерный состав также подбирался с опытом службы в «горячих точках», люди знали, как себя вести в подобных ситуациях и обеспечивать нормальную работу вверенной им техники.

Естественно, для обеспечения работы наших людей и в **Анголе**, и везде за границей, всегда требуются переводчики. В нашем отряде было семь вертолётчиков, по два сменных экипажа – нужно было 14 переводчиков. Вертолёты наши стояли в шести округах, штаб отряда был на юге, в **Лубанго**, там же была и ремонтная база. Я непосредственно летал в **Уиже** – это север **Анголы**. В этой провинции стояло два на-

ших борта, потому что регион этот очень большой. И нам его практически весь пришлось облетать. Даже купались в реке **Конго** – это самый север **Анголы**, на другом берегу – уже **Заир**.

Я исполнял свои прямые обязанности – как переводчик. Меня туда привлекли, потому что у меня был опыт такого рода работы: во-первых, в **1986-1988** гг. я уже служил в **Анголе**, потом я служил в **Мозамбике**, причём в **Мозамбике** я служил именно в вертолётном отряде в качестве старшего авиационного переводчика. Ещё перед **Анголой** я в **1995** году пробыл пять месяцев в Бангладеш, с мая по октябрь. Находился там по программе **БМП-2**, то есть – мы проводили обучение личного состава бангладешских Вооружённых Сил на эту машину, проводили испытания ходовые, стрельбовые, и на воде, то есть на плаву. Там я немного выучил бенгальский язык.

Когда вернулся из **Бангладеш** и пришёл в «десятку» – там был такой полковник **Золин Владимир Григорьевич**, очень хороший человек – так он на меня «набросился»: ну где же ты пропадал, что же ты так долго в Бангладеш задержался, я тут для тебя место держу! В **Анголе**, в вертолётном отряде! Так что вышло, как в сказке – собирайся, дурак, одевайся, дурак, поедешь, дурак, к царю (*смеется*)!

Про этот вертолётный отряд я уже знал: в это время я преподавал в **Военном Университете** (бывший **ВИИЯ**) курс бортперевода – радиотелефонного обмена в авиации. За время моего преподавания этого курса я сделал семь полнокровных выпусков бортпереводчиков. И курсанты-переводчики, которых я готовил, многие из них, уже служили в этом вертолётном отряде,

там летало две группы моих учеников. И вдруг оказалось, что я тоже там нужен.

Я поехал сначала не на должность переводчика, а на должность офицера по связи и взаимодействию (**liaison officer**). То есть, на основе владения иностранными языками решать все необходимые вопросы, связанные с работой, службой, жизнедеятельностью, проживанием наших вертолётчиков в **Анголе**. Кроме того, у меня было счастливое сочетание английского и португальского, ещё я по-испански тоже говорю, ещё несколько языков знаю.

Там в Луанде, непосредственно в штабе миссии ООН, был старший российской группы офицеров по связи и взаимодействию – **Володя Тарасов**, до этого он служил в **Кампучии**, сам выучил английский язык, хотя по профессии он АОшник – то есть инженер по авиационному оборудованию. Работать с ним было очень приятно, он был очень грамотный офицер, в частности по техническим вопросам, и очень хорошо говорил по-английски, так что практически все вопросы решались на раз.

А полковник **Золин** меня помнил ещё с **Мозамбика** – он туда меня отправлял в **1990** году. Потому и задержал это место специально для меня, прекрасно помня мой боевой опыт и знание португальского языка. Получилось, что я в конце ноября **1995** года прилетел из **Бангладеш**, пока со всем рассчитался, и в **январе 1996** года уже полетел в **Анголу**. Вернулся через полгода.

По возвращении оттуда я ещё работал какое-то время на кафедре, продолжал преподавать бортперевод. Потом мне стали предлагать поехать в **Югославию**, в наш десантный батальон, который там стоял,

тоже переводчиком. Я уже, в принципе, начал готовиться, потому что в **Югославии** я ещё не был, так почему бы не съездить? Но закончилось всё это весьма тривиально: меня опять вызвали в «десятку», и тот же полковник **Золин** мне сказал: какая **Югославия**, у тебя ведь португальский и английский, да ещё испанский! Давай в **Анголу**, на ту же самую должность, офицером по связи и взаимодействию, езжай туда и представляй нашу Родину!

Так я поехал в **Анголу** ещё раз. В **январе 1997** мы выехали, и в **январе 1998-го** я вернулся. Ещё, так сказать, два срока (дважды по шесть месяцев, 6 месяцев – это был срок для воинского контингента).

◆ **Каковы там были условия размещения, где жили, чем питались?**

Естественно, в каждом округе всё было по-своему, в зависимости от ситуации. В каких-то округах люди жили на виллах. Например, в **Уиже** крайние полгода мы жили в хороших виллах: были виллы и для лётного состава, и для инженерного состава. Условия там были нормальные: кухня, достаточно удобные комнаты, местные приходили делать уборку. Питание мы организовывали сами. Закупали на рынке все необходимые продукты, картошку, мясо, прочее, что-то получали через ооновскую систему: там был ооновский магазин **«РХ» (Пи Экс)** – думаю, его знают все ооновцы. У некоторых из нас были ооновские карточки, у меня тоже была – на эти карточки можно было отоваривать продукты, «горюче-смазочные материалы», сигареты. Поваров у нас не было – готовили сами, причём именно

то, что нам было нужно, чего хотелось поесть. Например, на обед варили суп – и в этот суп кидали всё, что только могли, варили в большом котле и только таким супом в обед прекрасно наедались.

Кроме того, с нами питались несколько человек, которые не принадлежали к нашему отряду, но вносили свои деньги – российские и украинские наблюдатели. Украинцы – это были те же наши бывшие советские офицеры, которые проживали в Украине. Ещё было несколько болгар, словаков, поляков, которые тоже вносили свои деньги и столовались у нас. Было дежурство по кухне. Пытались изобретать какие-то хорошие кушанья. По части того, чтобы приготовить чего-нибудь повкуснее, у нас отличался наш коллега-переводчик **Паша Акимов**. Хотя и **Миша Маргелов** от него, в общем-то, не отставал.

Ещё мы старались разнообразить наш быт всякими праздниками – днями рождения, ещё какими-нибудь датами и юбилеями. Наш старший – полковник **Найденко**³ – посмотрел по списку, у кого и когда дни рождения, отметил все в календаре. Если у кого день рождения попадал на будний день, то это переносилось на субботу. И почти каждую субботу у нас был какой-нибудь праздник! Было очень весело, приходили гости, ели, пили, пели песни. Песни мы очень любили петь.

В других округах – например, на юге, в **Менонге**, – там ооновский контингент жил в палатках. Правда, па-

³ О полковнике **Найденко** хочется сказать особо. До Анголы он служил в Мозамбике, хорошо говорил по-португальски, был профессионалом своего лётного дела. Как человек, был очень спокойный, вдумчивый и решительный, всей душой болел за личный состав.

латки были очень комфортабельные, с вентиляторами, в некоторых даже кондиционеры были. Ещё в каких-то округах люди жили в контейнерах ооновских. Когда я первый год служил непосредственно в **Луанде**, в качестве офицера по связи и взаимодействию, я жил как раз в таком двухкомнатном контейнере: сохранились фотографии этого контейнера. Контейнер – это как домик с плоской крышей, первая комната была как прихожая, там стоял диванчик или кресло, какой-то шкафчик, столик небольшой. Вторая комната – это была уже спальня. А напротив жилых контейнеров располагались контейнеры с умывальниками, туалетами, душевыми кабинами. Выходишь из своего контейнера – и идешь напротив, почистить зубы, ополоснуться. Такая была система.

Опять же – в **Луанде** располагалась центральная миссия, то есть, это был штаб миссии в **Анголе**, находился он на **Вилле Эшпа** - около получаса езды от самого города. Там же, рядом, была **Вилла Мадоба**, там люди жили в более усовершенствованных контейнерах. В самой **Вилле Эшпа** были ещё и дома, где проживало начальство миссии. И ещё там было несколько вилл, где жили сотрудники миссии, как военные, так и гражданские.

◆ **С какими-нибудь бытовыми трудностями сталкивались вы?**

ООН старалась обеспечивать всем необходимым. Хотя трудности всякие бывали, только где их нет? Например, в тех же округах всегда чего-то не хватало. Основные трудности были все же у наблюдателей – конечно, им

старались выделять лучшие дома, однако случалось, что им приходилось жить без кондиционеров, только с вентиляторами, без телефона, связываться только по радиостанции или спутниковой связи **Capsat**.

В целом, нам жилось достаточно комфортно. Самым главным неудобством были болезни, причем болезни тяжёлые. Например, в свои предыдущие командировки, в **Анголе**, да и в **Мозамбике** тоже, я про гепатит особо и не слышал – хотя бывала там и малярия, и амёбная дизентерия, совершенно изматывающая болезнь. А в миссии ООН и малярия была во всех разновидностях – и мозговая, так называемая церебральная, и трёхдневная, и тропическая, и печёночная, чего только там не было! – и гепатит, причем до такой степени серьёзный, что нам делали прививки. И третий бич, в плане болезней – это были венерические заболевания, что объяснялось просто: в связи с тем, что в страну вошли войска **ООН**, все «красавицы» повылазили на свет Божий и кинулись зарабатывать деньги, скажем вежливо. Ооновская администрация и тут проявила сообразительность: когда прилетал новый контингент – шла ротация, то есть замена личного состава, – врач этого контингента обязательно шёл на медпункт и, кроме различных лекарств от всяческих болезней, получал, в зависимости от количества человек, от десяти до ста коробок с презервативами голубого цвета. Мы их так и называли – «голубые каски».

◆ Как там обстояло дело с медицинским обслуживанием?

По-разному. Самым лучшим считался бразильский госпиталь. Долгое время он базировался в **Луэ-**

не, на востоке страны. Бразильцы лечили очень хорошо. И кроме всего прочего, они замечательно делали зубы. У нас чуть ли не половина отряда специально летала к ним ставить пломбы. Потом бразильцев перевели в **Луанду**, как раз на **Виллу Мадибба**, потому что **ООН** стала сокращаться. И они уже работали там. А в самой **Луанде**, на ещё одной вилле – **Вилле Виана**, туда надо было ехать минут сорок от нашей **Виллы Эшпа** – располагалась техническая база **ООН** и плюс госпиталь, румынский!

Когда я первый раз услышал, что румыны, оказывается, «специалисты» по тропическим заболеваниям, я не знал, смеяться или плакать! Ещё с первой командировки я помнил, что лучшие специалисты – это кубинцы, которые обычно за три дня, а максимум за две недели могли поставить человека на ноги. И услышать, что, оказывается, румыны – специалисты по таким вещам.... Сказать по правде, люди боялись ложиться к румынам на лечение. Единственное, что там было нормально – это комфорт, везде вентиляторы стояли, плюс они медсестер подобрали одна к одной, так что, как у нас шутили, не вылечиться, так хоть на приятных девушек посмотреть! Меня Бог миловал, в румынский госпиталь я ни разу не попал. А наши ребята лежали, и впечатления у них остались самые тягостные. Наверняка, румыны очень старались, но, как говорится, не по Сеньке шапка.

Хотя одного нашего полковника в том госпитале на ноги поставили – попался очень грамотный врач-румын. Забыл, что у нашего была за болезнь, что-то по поводу оводнения, или чего-то в этом роде. Спасли, всё прошло нормально.

◆ **В каких-нибудь других госпиталях лежать там доводилось?**

Нет, в миссии **ООН** я в госпиталя уже не попадал. Это в первую свою командировку я лежал в кубинском госпитале, и в советской миссии и тогда лежал под капельницей, дважды. У меня за первую командировку, **1986 – 1988 гг.**, было четыре действительно тяжёлых малярии, мне тогда хорошо досталось. В **Мозамбике** меня зацепила одна малярия, я её фактически на ногах перенёс. А в войсках **ООН** у меня уже ни малярии, ни гепатита, слава Богу, не было.

Может потому, что я уже был, образно выражаясь, «тропических дел мастер», опытный. Хорошо помнил, как ещё в первую командировку нам один старый местный португал сказал: среда и суббота – минимум по сто грамм всего, что горит, и желательно покрепче, джин, виски, водка, вино, «капороте» местная, кроме пива, потому что от него толку нет. Это на 90% помогает от того, чтобы малярия не успела развиваться, или протекла в лёгкой форме. А один уже наш врач, советский, который был после **Афгана**, – кстати, белорус, только фамилии не помню, к сожалению, – он этот механизм нам разъяснил в весьма занимательной форме. Примерно так: вот ты выпил в среду – и как будто плазмодиям, которые эту малярию к тебе в кровь затащили, дал бейсбольной битой по голове. Они упали, контуженные, и только где-то к пятнице начинают приходить в себя, а в субботу уже поднимают головы. И тут ты в субботу им раз – опять по голове битой, и до среды. И они не успевают прийти в себя и у тебя в крови нагадить.

Конечно, как говорили некоторые, это может привести к пьянству, к алкоголизму, и тому подобному. Однако почему-то никого не привело, кого я знаю. Там пили – именно по необходимости, чтобы не заболеть. Потом возвращались из **Анголы**, и когда надобность в таком питии отпадала, то спокойно прекращали.

◆ **Вопрос материальный: как выплачивалась зарплата?**

Она складывалась из нескольких составляющих. По-моему, полторы тысячи долларов нам платила непосредственно **Россия**. У кого-то побольше, у кого-то поменьше, в зависимости от должности, звания и так далее. И ещё у нас были так называемые ООНовские суточные, что ли, около 35 долларов в день – то есть, ещё тысяча пятьдесят в месяц.

Эти тридцать пять долларов суточных у нас появились не сразу. Это заслуга самой первой группы, а точнее – одного из наших переводчиков, **Василия Вобленко**. Именно он каким-то образом узнал, что контингенту полагаются ещё и суточные, и какие нужны для этого бумаги, именно он всё это дело помог составить, потом подали в командование **ООН**, и эти деньги стали нам всем выплачивать.

И я ещё смог пробить так называемые «рубль двадцать восемь», как мы их называли. Я тоже стал изучать документы. И у меня сложились приятельские отношения с нашими финансистами – их всех почему-то звали **Андрейями**. Я начал одного из них выпрашивать, какие у нас вообще имеются средства. И потом я раздобыл бумагу ООН, в которой было сказано, что нам

положено выплачивать доллар двадцать восемь центов в день. Уже не помню, к чему это предназначалось. Я стал узнавать все это дело, а у начальника финансового отдела была русская секретарша – девушка **Марина**, из **Москвы**. Я пошёл к **Марине**, узнавать, что это за деньги и для чего. Она подняла бумаги, и сказала, что тут непонятно, вроде нам это положено, а вроде и не положено, точно не ясно, если сможете доказать, что положено, то вам их будут выплачивать.

А со мной там служили мои бывшие ученики-курсанты, ушлые ребята – особенно **Виталий Греков**, замечательный парень, очень умный, язык знал превосходно – английский, а потом уже, будучи в **Анголе**, самостоятельно выучил португальский. Ещё там была команда переводчиков, у которых был вьетнамский – английский, в то время в ВИИЯ ещё вьетнамский преподавали. Чем вся эта команда отличалась – они самым замечательным образом наловчились писать эти ооновские бумаги! Ведь там, чтобы получить на что-то обоснование, надо было составить красивую бумагу. Написать так, чтобы все «заплакали навзрыд» и сказали бы: да-да, конечно, именно это вам и нужно (*смеется*)! Они научились писать такие бумаги: открывали словари, брали второе-третье значение слов, использовали устойчивые английские выражения, чтобы получилось ещё ярче, и бумаги выходили просто обалденные!

Когда я узнал про эти доллар двадцать восемь центов, то пришёл к ним, сказал: **Виталья**, нужно бумагу составить. И **Виталья** забацил такую бумагу, что я сам чуть не прослезился (*смеется*)! Я пошел с этой бумагой в офис **СМРО (Chief Military Personnel Office)** – это был, по-нашему, отдел кадров, там сидел замби-

ец-капитан, мой приятель. Говорю ему: **Сака**, надо подписать, – а он как раз отвечал за все эти вопросы. Он открыл документы, посмотрел... А ещё надо добавить, что у нас было немного непонятное положение: то ли мы контингент, то ли штабные офицеры, мы были чем-то средним. И вот, думал он, думал, долго просматривал все эти бумаги и, наконец, сказал: и действительно, что же вы раньше-то не обращались, вот же здесь написано, что вам эти деньги положены! И подписал. Я понёс нашу бумагу к **Марине**, она её вовремя подсунула на подпись своему шефу – начальнику финансовой службы. Так мы стали получать ещё эти «рубль двадцать восемь» в сутки – мелочь, а приятно, тридцать с лишним долларов в месяц набегало.

◆ **Выплачивались деньги лично в руки, или счета какие-то вам открывали?**

Выплачивали нам зарплату на руки. Это тоже были интересный момент. Регулярно человек ездил в российское посольство, куда приходили наши деньги в долларах – уже не помню, кто, по-моему, даже наш финансист, – и выдавал нам зарплату, которую платила **Россия**. А ооновские деньги – то есть, суточные, и эти «рубль двадцать восемь», – мы получали в кассе уже на самой **Вилле Эшпа**, ходили туда с нашим финансистом, стояли там в очереди.

Конечно, то, что все деньги выдавались на руки, порой приводило к не очень приятным моментам. Потому что кто-то терял деньги, у кого-то воровали деньги. У меня, слава Богу, за все время ни разу не украли, ни разу я ничего не потерял. Была с этим и ещё одна

беда – некоторые, «дорвавшиеся», начинали пить как не в себя, а потом задавались вопросом «куда же это я столько денег потратил?»

Некоторые товарищи каким-то образом умудрялись переводить эти деньги на какие-то счета в банках. Там была такая военно-страховая компания, к нам вместе с комиссиями приезжали их агенты. Раз в полгода или раз в три месяца, точно уже не помню, приезжали эти комиссии – из Генштаба, из штаба армейской авиации. Например, приезжал генерал **Павлов – Герой Советского Союза за Афганистан**, командующий вертолётной авиацией, он возглавлял всю делегацию. А с ними также представители этой страховой компании, которые предлагали нам оставлять себе небольшие суммы на мелкие расходы, а остальные деньги класть на счета в этой компании. У меня таких вопросов не возникало, я деньги хранил у себя и потом спокойно вывез их в **Россию**.

◆ **Как протекало общение с принимающей ангольской стороной? Какие были контакты с ангольской армией, с гражданским населением, может, с представителями правительства?**

Контакты, естественно, были. Наши вертолёты стояли по округам. Сама миссия **ООН** зависела от местной стороны. И местная сторона, надо сказать, иногда вела себя весьма вызывающе. Такой пример. Мы долгое время жили на **Вилле Алиса в Луанде**, очень хорошая вилла, нам там нравилось. В этой вилле очень хорошо всё было организовано – правда, питания там не было (питались мы в столовой штаба миссии на **Вилле Эшпа**),

но можно было постирать вещи, были хорошие домики с хорошими комнатами. Мы жили в одном крыле, а в другом жили уругвайцы – в Анголе стоял уругвайский батальон, также служили уругвайские штабные офицеры, уругвайские наблюдатели и военная полиция. И вот, через какое-то время мы вдруг узнаем, что местные хозяева подняли цену за проживание на этой вилле ооновских представителей. ООН такую высокую сумму платить отказалась. И мы вынуждены были перебраться на **Виллу Эшпа**, нам там организовали контейнеры.

Вообще, как только в **Анголу** вошли войска **ООН**, цены там сразу подпрыгнули до «космических высот». Пытались местные заработать на всём, на чём только получалось. Например, как-то раз **Виталию Грекову** понадобились тёмные очки, и мы поехали в магазин, в самую **Луанду**, а там увидели, что очки стоят двести долларов! Цена, которую применимо к этому товару понять вообще было невозможно, потому что обыкновенные очки, не какие-нибудь там дизайнерские, не могут столько стоить. У **Виталия**, конечно, полезли глаза на лоб, и он решил, что такие очки он покупать не будет.

◆ **А контакты с ангольскими военными?**

Естественно, были и часто. Когда мы летали по площадкам, по точкам. И ещё зависело от того, на какие площадки мы прилетали. Нам «повезло» – мы, в основном, летали по унитовским территориям. Это было «весело», хотя даже там к нам относились совершенно по-разному. На одних площадках – нормально, «советику», «руссу», никаких эксцессов не было. Летали-то мы в форме, или в комбинезонах лётных, и все знали,

что **Ми-8** советский, российский вертолёт. А в некоторых местах – выставляли оцепление, не разрешали отходить от вертолёта, и лично я не раз ловил довольно косые взгляды унитовцев.

Летали мы и по площадкам, где стояли наши наблюдатели, и где стояли правительственные ангольские войска, **ФАПЛА**. Тут вообще не возникало особых проблем. В целом обстановка была довольно благоприятная.

Хотя были и жертвы среди ооновского контингента, и часто. Один из таких печальных случаев, о котором я знаю, произошел на юге, в провинции **Уила**, где я служил в годы первой своей командировки – в **Мулондо**. На запад от Мулондо есть такой населенный пункт **Шонгорой**. Вот в этом **Шонгорое** был пост наблюдателей. В том «тим-сайте» был мой хороший знакомый **Саша Кияшко**, он тоже выпускник ВИИЯ, на пару курсов меня постарше. После разъединения **Союза** он уехал в **Украину** и приехал в миссию **ООН** как наблюдатель от **Украины**, то есть – украинский военный наблюдатель. Так вот, на этом посту он, как человек из бывшего **Союза**, стал очень уважаемым. Потому что он мог всё: работать с радиостанциями, с компьютером, со связью **Capsat (satellite communications)**, он мог всё делать. И поэтому там была целая толпа людей, которая иногда говорила ему – **Саша**, ты, главное, сиди, работай, отсылай вовремя сообщения (reports), а мы будем ездить, патрулировать сами! Там же было обязательное патрулирование на машинах – проверка, как выполняется соглашение о прекращении огня, нет ли нарушений. И в один из таких выездов на них напали и всех перестреляли. Самое интересное, что был

черед **Сашке** ехать! То есть, он уже говорит – я еду, а ему – нет, должно прийти какое-то важное сообщение, так что Бог с ним, с патрулированием, сиди, мы сами поедем! Там были англичанин, египтянин, индус и ещё кто-то. Выжил только индус.... **Напали унитовцы, расстреляли буквально в упор**, а индус притворился мёртвым, у него было шесть пулевых ранений. **Сашка**, когда приехал в **Луанду** после этого, две недели просто не просыхал. Потому что это было в его патруль.

Помню ещё один случай – к счастью, закончившийся благополучно. Унитовцы задержали наш вертолёт – это было в районе **Сауримо**, запад **Анголы**, провинция **Южная Лунда**. Они летели проверять соглашение о прекращении огня и разъединении противоборствующих сторон, и их вертолёт вместе с наблюдателями просто взяли в плен. Продержали двадцать семь часов. Вся **миссия ООН** «на ушах стояла», доложили, естественно, в **Нью-Йорк**, оттуда пришёл приказ организовать с ними воздушное сообщение, сбрасывать им тёплые одеяла, еду – а это был июнь или июль, то есть в **Анголе** это зима.

◆ Какой это был год?

Девяносто седьмой (1997). Но наши ребята вышли из положения с присущей нам смекалкой! Они просто стали сливать лишний керосин с вертолёта, и тут же выстроилась очередь из местных анголан. Анголане за керосин принесли им поесть, одеяла, выпивку! Они тут же напоили охрану – пригласили их выпить, то есть! **В итоге, приехал какой-то командир местный, и сказал, что ладно, отпускайте этих русских, чёрт**

с ними (смеется). Но, двадцать семь часов, конечно, ребята были на лезвии бритвы. Это всё мне рассказал **Саша Кондратюк**, переводчик, мой бывший ученик.

Вообще, на ооновской машине по стране, по городу можно было ездить. Другое дело, что в **Луанде** происходили иногда такие случаи, как конкретные грабежи ооновцев. Люди, которые носили оружие, днём были полицией, а вечером – бандитами. Пытаться им что-то объяснять было просто бесполезно, они без слов ствол в живот тыкали и все. **Я уже не раз говорил, и ещё скажу, что в Африке цена человеческой жизни – это даже не копейка и не ноль, а где-то минус пять.** В этом я убедился ещё в первой командировке. На операции⁴ мы несколько раз посещали ангольский госпиталь, где лежали раненые – так этих раненых там принимали, перевязывали и забывали про них, выживет – молодец, не выживет – хрен с ним.

И вот, в ООНии получались такие ситуации. Например, как-то мы поехали отдохнуть в кабачок в центре Луанды, сидим там, пьем пиво. Вдруг появляется знакомый уругваец, штабной офицер, и говорит: **«Меня ограбили»**. Полиция подошла, как оказалось, – потому что он, вместо того, чтобы поехать на машине, пошел пешком, – а у него не было **ID карты** на груди, удостоверения личности. Естественно, задали вопрос, кто такой, документы? А он **ID карту** свою хранил в портмоне. Достал портмоне – полицейский просто выхватил у него этот портмоне, вытащил **ID карту**, отдал ему, а портмоне – себе в карман. А там четыреста долларов было.

⁴ Описано в книге И.А. Ждаркина «Такого не было даже в Афгане...»

Естественно, мы старались передвигаться на ооновских машинах, и особенно – не вступать в конфликты с полицейскими. Ну, а если уж что случалось – тут начиналась работа переводчика, или любого человека, знающего язык. То есть, моя. Начинаешь включать свои «замполитские способности» и пытаешься им доказать, что они неправы.

◆ **Лично приходилось попадать в такие конфликтные ситуации?**

Да. Чаше срабатывало, удавалось договариваться. И опять же – на кого попадёшь. С кем-то просто, с кем-то – с трудом договоришься.

◆ **А бывали ли такие случаи, что, например, узнавали, что ты когда-то служил уже в Анголе, и менялось ли как-то отношение к тебе в этом случае?**

Таких случаев у меня не было. Хотя меня узнавали десять лет спустя. Один случай я описал в книге: когда меня узнал бывший сваповский солдат. В войсках ООН он служил уже капитаном, там была намибийская миротворческая рота. Я иду по миссии, вдруг слышу: «Товарищ майор!», на ломаном русском. Оборачиваюсь – спрашивает: «Извините, пожалуйста, вы в 86-м в **Лу-банго** были?» Я говорю – да, был. «Но вы тогда были лейтенантом?» Да, говорю. А он, оказывается, бывший сваповский боец.

А другой случай, когда мы были в командировке, в **Луэне**, на востоке страны. Поехали в город, оста-

новились возле бара, чтобы зайти хоть пива купить, жара была. А там стояло несколько негров, в форме местной – фапловской. Один говорит: «**Джеронимо!**» Это ведь мое чуть ли не второе имя, ещё по первой командировке получил такое боевое прозвище, nome de combate. Я оборачиваюсь – говорю, да, я. Он: «Ты меня не помнишь?» Я: «Честно говоря, нет». А он был в комедантском взводе, в нашей бригаде, когда мы ходили по джунглям в восьмидесятые. То есть, он меня через одиннадцать лет вспомнил!

Впрочем, если кто-то из солдат **ФАПЛА** узнавал, что я служил в **Куито-Куанавале**, то сразу восхищались – о, битва за **Куито-Куанавале!** Они это помнили.

Были случаи, когда я сталкивался с **унитовскими генералами**. Это получалось так: поскольку я знал португальский язык, меня иногда привлекали для работы с ними, переводить. Например, там был один майор, француз, иногда просил меня помочь в беседах с местными военными. Он был военным консультантом Специального Представителя **Генерального Секретаря ООН в Анголе** – то есть, начальника миссии. А Специальный Представитель был малиец – **Блондин Бей** его звали, который говорил принципиально только по-французски, хотя миссия была англоязычная. И он постоянно таскал с собой переводчика на английский и на португальский – как раз и мое счастливое сочетание.

А командующий войсками ООН в Анголе был зимбабвиец, весь очень важный из себя генерал, который тоже португальского языка не знал и не утруждал себя его изучением. А у этого генерала был адъютант – майор-замбиец, с которым у нас сложились хорошие от-

ношения. Так этот адъютант мне несколько раз звонил, просил помочь, потому что приходили унитовские генералы, или просто представители местной стороны.

Хорошо помню одного генерала унитовского, тоже очень важного. Поскольку тогда было уже замирение, их планировали ввести в состав **ФАПЛА**, – была такая программа (название не припоминаю). Уже не помню, по какому вопросу приходил этот генерал, только я всё это дело переводил, минут сорок шёл разговор, а когда мы уже выходили, этот генерал спросил меня, кто я такой и откуда, и откуда у меня такое хорошее знание португальского языка. Я ответил, что военный переводчик и здесь уже служил. Он спросил, где служил, слово за слово, и когда он услышал, что служил я в **Куито-Куанавале**, то очень обрадовался – оказалось, что мы фактически друг против друга там воевали. А потом он говорит: ну, слава Богу, сейчас уже мир будем строить, и спасибо за то, что снова приехали нам помогать создавать новую **Анголу**. Интересная беседа состоялась. Долго жал мне руку, сказал, что если вдруг чего, мол, «если будут обижать, обращайся, никаких проблем не будет».

Были и неприятные моменты, связанные со встречами с унитовцами. Когда прилетели на унитовский аэродром. Случилось это так. Шли мы на посадку...не на **Уамбо**, а на **Андуло**. Моя задача, как бортпереводчика, была наладить связь с вышкой, чтобы нам разрешили посадку. В Луанде нам дали частоты, я связывался, связывался – никто не отвечает! Я говорил и по-английски, и по-португальски – бесполезно! В итоге, командир принял решение, что сами заходим и садимся. И когда мы сами зашли и сели, прибежало несколько человек, мест-

ных, с автоматами, и один из них орал по-английски, что-то типа – долбаные русские, вечно они все делают по-своему, и все такое прочее. У всех у них были, конечно, весьма свирепые рожи, честно скажу. Ну, я все это выслушал, потом стал объяснять, что нам дали частоты, взял бумажку с этими частотами у летчиков, показал им. Те в ответ – да эти частоты не используются уже несколько месяцев! Я – но нам-то их дали в штабе ООН в Луанде, мы-то по приказу летим, мы люди подневольные! В конце концов, подошёл какой-то с виду неприметный человек, причём одетый не в форму, а вообще, чёрт знает во что, что-то им рявкнул на местном «мумба-юмба». Они тут же прекратили орать и смылись. А он подошёл как-то сбоку ко мне и спросил, может ли он полететь на нашем вертолёте. Естественно, я спросил его, кто он такой. В ответ услышал, что он – подполковник **УНИТА**. Тогда мне стало понятно, почему те горлопаны так быстро ретировались. Само собой мы его подвезли, «чего ж не порадеть хорошему человеку».

Естественно, задача наша как переводчиков была – по возможности, подобные конфликты гасить.

◆ **Отношения с гражданским населением Анголы как у вас складывались?**

Как с гражданским населением (улыбается)! Приезжаешь на базар – когда я уже в **Уиже** служил, во второй приезд – вступаешь в разговор, в магазине то же самое. Враждебного отношения мы не замечали. Ездили по городу, решали вопросы, эксцессов не было.

Когда я в **1996** году только прибыл в **Анголу**, меня сначала определили на службу в **Лубанго**, где

находился штаб нашего отряда. Это было что-то вроде стажировки – чтобы я понял, что это за работа такая, офицер по связи и взаимодействию. Я пробыл там месяц с небольшим, вроде как проявил себя с положительной стороны, и меня отправили в **Луанду**.

В **Лубанго** тоже не было никаких особых проблем в общении. Более того, иногда приходилось выступать арбитром в конфликтах местной стороны, когда «кто-то на кого-то наехал». Было один раз такое, что наши на кого-то наехали – в буквальном смысле, наша российская машина сбила местного ангольца. Прибежал здоровеннейший нигериец из военной полиции ООН, тут же встал на нашу сторону, начал трясти за шиворот этого местного, быстренько выяснил, что тот был пьян и сам вывалился на дорогу. А потом и говорит мне: «Ни в коем случае не поддавайтесь на подобные провокации. Он может специально выскочить на дорогу, прямо перед самой машиной, чтобы потом с вас денежку содрать, якобы на лечение!» Мы с этим нигерийцем очень быстро подружились. Потом его уже перевели в **Луанду** – я его встретил, когда сам там оказался, он уже сидел в офисе военной полиции.

Там мы столкнулись тоже по похожему поводу – в одном из округов наши врезались во что-то, машину разбили, а это всё требовалось вычитать из зарплаты. В подобных случаях сразу начиналось расследование военной полиции ООН, потом гражданской полиции, которая тоже существовала в войсках ООН, ангольской местной полиции. Была составлена куча документов, наши ребята привезли мне эту папку. А поскольку я хорошо был знаком с уругвайцами в военной полиции – мы ведь жили с ними на **Вилле Алиса** – то побежал сра-

зу к ним: что делать? Они мне ответили, что в принципе, раскрутить это дело могут, и тогда будут неприятности, могут наказать на приличную сумму. Но посоветовали сходить в офис, где сидели, в том числе, и офицеры **civil police**, гражданской полиции, поговорить с ними.

И вот, прихожу я в этот офис, а я до этого там вообще ни разу не был, хотя миссию уже нормально знал. Не ради красного словца или хвастовства говорю, но так вышло, что вскоре после приезда я там уже разве что не ногой открывал любую дверь, меня все уже знали. Единственное, что было плохо, что кадры там часто менялись, и приходилось заново налаживать отношения, тащить снова людей в бар «**Голубой берет**» – это был такой ооновский кабачок, сажать человека «на иглу», так сказать, угощать и налаживать мостики. Обычно там были либо негры, либо азиаты – индусы, пакистанцы и прочие, поэтому им такое обращение очень нравилось, и они быстро становились если не друзьями, то приятелями.

И вот – возвращаясь к теме – захожу в этот офис непонятный, думаю, что это ещё за офис такой? Как-то раньше я решал все вопросы через военную полицию – там служили наши соседи-уругвайцы. Одно время были ещё бразильцы, с которыми просто не было никаких проблем, там был один бразилец, у которого имелись какие-то крутые связи, так он запросто «тушил все пожары», и свои, и наши.

Захожу в этот офис, поворачиваю голову налево – а там сидит этот нигериец! Он меня как увидел – «**Джеронио!**» Вскочил – а он огромный, здоровый – подбежал, сграбастал меня в объятия, чуть не задушил. «Как ты здесь, я думал, ты в **Лубанго!**» Короче, объяснил я

ему, что меня привело в этот офис. Он мне – давай документы, сейчас всё сделаем, только не волнуйся. Начал просматривать – а там папка громадная была!

Много получается в этой истории ремарок! Ну, да одно за другое цепляется, расскажу ещё и про особенности ооновского делопроизводства. Мало того, что местная сторона очень любила писать бумаги, так ещё и бюрократия в ооновских войсках была просто кошмарная! Когда некоторые говорят про советскую бюрократию, так и хочется ответить, что эти люди ооновской бюрократии не видели! Но что было для нас, славян, хорошо – бюрократия у них была прямая и тупая. А у нас-то бюрократия всегда была творческая! Поэтому с их тупой бюрократией нам обходиться было очень просто. У них как: есть рамки закона, и шаг влево-вправо – попытка к бегству, что уже запрещено. Как говорит **Задорнов**, у них есть формат, и вне этого формата мыслить они не могут. Что всегда, или почти всегда, позволяло нам находить какие-то лазейки.

И этот нигериец только присвистнул: «**Джеронимо**, ну ничего себе папочка! Ты зайди завтра, я пока со всем этим ознакомлюсь». Взял у меня телефон. Я не растерялся – говорю ему, мол, надо же встречу отметить! Он с радостью согласился, и говорит: слушай, мне один приятель привёз бутылку московской водки, надо нам с тобой её выпить! Нигериец мне, жителю Москвы, предлагает выпить московской водки (*смеется*)! Я согласился, конечно, смотреть на неё, что ли?

На следующий день, часов около десяти, раздаётся звонок: «**Джеронимо**, заходи!» Я прихожу к нему – и он мне говорит: дело, конечно, дохлое, и очень серьёзное, потому что получилось осложнение. Как оказа-

лось, местная полиция успела подать сведения об этой катастрофе в **Луанду**, что тут «оония» машины бьёт, да ещё и русские. Всех тонкостей я уже не помню, только что-то там было недоработано, какие-то формальности не учтены. Но мне ещё наши сказали, что, в принципе, всё произошло не по их вине, и нигериец это в документах увидел!

И он меня спросил: «Скажи мне, когда уезжают эти люди?» А им месяца два оставалось, я так ему и ответил. Он просиял: «Отлично, то, что нужно! Ты сейчас возьми это дело, я позвоню человеку, отнеси всё это к нему, и он запустит дополнительное расследование. Пока оно будет идти, и пока эти документы придут ко мне, ваши люди уже уедут. И я потом просто извинюсь перед своими, что, мол, нарушители уехали, где мне их теперь искать в огромной стране России? Тем более, что даже по бумагам видно, что ваши не виноваты, но та сторона на них конкретно наехала. Но это все фигня, когда будем водку пить?» Пришлось вечером идти к нему домой пить водку.

Этот парень нам действительно помог – потому что всё получилось, как он и говорил. Ребята наши приехали из того округа, волновались ведь, даже старший округа приехал. Я их успокоил, мол, будем надеяться, что всё обойдется. Они пошли в магазин, в этот **«РХ»**, купили этому нигерийцу «горюче-смазочных материалов». Он этого, конечно, не ожидал, чуть не разрыдался – что вы, я очень русских люблю, я же от души! Мы отдали ему эти бутылки, по-моему, шотландское виски там было. И никто из ребят не пострадал. Уже потом мы с ним контактировали хорошо. И уже перед своим отъездом я повёл его в **«Голубой берет»**, и он мне с «не-

притворной грустью» рассказывал: «Представляешь, какая досада? Расследование дополнительное все-таки проведено, а ваши уже уехали!» Посмеялись от души.

◆ **В воспоминаниях Михаила Геннадьевича Маргелова⁵ о службе в миссии ООН в Анголе есть такой эпизод: «Вместе со Ждаркиным и водителем-ангольцем перегоняли джип из Уиже в Луанду. Мы были без оружия, в форме ООН. В 6 утра выехали, а приехали в 16. Надо было перегнать джип Тойота из провинции в столицу. Мы недавно с ним встретились, и вспоминали, насколько же мы были легкомысленными тогда – ведь это был унитовский район, за год до этого там расстреляли ооновский патруль. Но мы доехали»⁶. Прокомментируй этот эпизод, пожалуйста.**

– Да уж, веселая была история. Это случилось уже во второй мой приезд в миссию ООН, в 1997 году. А случилось всё это вот почему.

Какая была система предоставления транспорта в штабе ООН: на два, три, а то и четыре офиса выделялась одна машина. Это означало, что несколько офисов располагались рядом, в каждом сидели один-два человека. И в распоряжении этих четырех-шести человек – толь-

⁵ Михаил Геннадьевич Маргелов – внук генерала В.Ф. Маргелова, десантника № 1. белорус по национальности. – прим. А.Т.

⁶ «О службе на границе с Намибией»: воспоминания М.Г. Маргелова, капитана второго ранга // Воспоминания непосредственных участников и очевидцев гражданской войны в Анголе. Устная история забытых войн / под ред. А.А. Токарева, Г.В. Шубина. – М.: Memories, 2009. – 328 с. – С. 266.

ко одна машина, **Крайслер, Лендровер, Лендкрузер**, или ещё что-то такое же! Так выходило, потому что эти люди, из соседних офисов, чаще всего и жили на одной вилле, на работу приезжали вместе и уезжали тоже вместе.

У нас изначально тоже была одна машина. Только обойтись одной машиной было просто нереально. Потому что работало три-четыре офицера по связи и взаимодействию, а работы было невпроворот! Иногда, конечно, бывало то густо, то пусто, но чаще всего – гуще некуда. Нужно было ездить в разные места. Плюс ещё у нас постоянно шла ротация – приезжали люди, ремонтники, специалисты по регламентным работам, из одного округа в другой, для проведения регламентных работ или облётов вертолётов. Ещё к нам приезжало начальство, которое сидело в штабе в **Лубанго**, а кроме **Лубанго** было ещё пять округов, куда нужно было летать и контролировать, как и что там происходит. Всех этих приезжающих также нужно было встречать в аэропорту и доставлять по местам назначения. Само собой, когда приезжала комиссия из **Москвы**, или очередная ротация, одной машины нам просто не хватало.

Я сразу начал работать над тем, чтобы у нас все-таки было две машины. Мне это уже частично удалось – и тут я получаю от **Миши Маргелова**, который как раз был тогда в **Уйже**, информацию, что там есть вроде бы как «ничейная машина», причем хороший джип! Я быстренько побежал к нашему старшему – старшим у нас тогда был чистокровный русский немец **Давид Филиппович Гордт**. Пояснил, что надо срочно лететь в **Уйже**, за машиной! Он согласился. Ещё я пошел к начальнику тыла миссии ООН – я уже говорил, что миссия

делилась на военную и гражданскую – подполковнику **Анатолию Рябому**, старшему украинского контингента, моему хорошему приятелю. Спросил: **Толя**, как это всё сделать? Он ответил: можно, попробуй. Ободрённый такими напутствиями, я полетел в **Уиже**, там был пару дней, у них там хорошо было!

И как это говорится, «в одно прекрасное утро» мы с **Мишей Маргеловым** сели в эту машину, водителем у нас был местный, который на **ООН** работал. Поехали из **Уиже** в **Луанду**. Проехали четыреста километров в российской военной форме, со знаками различия, без всякого конвоя или сопровождения. **Миша** до этого тоже был на войне в **Анголе**, в **1988-1990** годах. Два таких миротворца.... Сейчас, действительно, вспоминаешь всё это, и думаешь – ничего себе храбрецы, чем только думали! А пока мы ехали, ооновский старший ремонтник из Уиже доложил в **Луанду**, что «российский майор **Ждаркин** украл машину» (*смеется*)!

Когда мы приехали, в **Луанде** по этому поводу уже стоял шум и гам. Я сразу пошёл к **Толе Рябому**, он уже был в курсе и тоже огорчился, что такой хай подняли. Сказал мне: иди к начальнику транспортной службы! А там начальником был финн, у которого я ещё в первой ооновской командировке выбил машину, и даже две. Он оказался хорошим человеком, а я рассказал ему, что в детстве и юности жил в **Выборге**. Финны его считают своим городом, называют **Вийпури**! Я ему ещё сказал что-то по-фински, что с детских лет помнил. Он очень обрадовался. Так что мы с ним стали приятелями.

Пришёл я к нему, а он мне и говорит: понимаешь, формально машина-то принадлежит округу **Уиже**, так что надо её вернуть, ты её пригони на стоянку, а я по-

пробую решить вопрос, чтобы у вас все-таки была вторая машина, пусть и не эта. А до этого мы, естественно, уже писали «страшную бумагу», что одна машина для нас – это просто катастрофа, нам нужно хотя бы две, потому что одному нужно в аэропорт, а второму – на ремонтную базу, и так далее. А ездить всё время на автобусе – у нас там были такие «шатлы», как мы их называли, которые ездили от нашей виллы к ремонтной базе – это потеря времени, и колёса или аккумуляторы перевезти на этом «шатле» трудно.

Тут мы и познакомились с **Мишей Лифшицем** – совершенно случайно. И уже **Миша** нам в этом деле помог. Ту машину, которую мы пригнали из **Уиже**, пришлось-таки сдать, но нам выделили другую. Так что, в общем-то, приключение увенчалось успехом.

Миша Лифшиц – ещё один представитель **Беларуси** в миссии ООН, если можно так сказать. Он – уроженец **Гомеля**. Бывший старшина Советской Армии, служил под **Выборгом**, в танковой бригаде, в местечке Давыдовка. Бывший капитан израильского спецназа – уехал в **Израиль** из **Гомеля** в 1981 году. Рассказывал про некоторые операции, в которых участвовал в составе израильской армии. Там получил тяжёлое ранение и из армии уволился. Как он попал в «оонию», я не помню – кажется, тоже поехал в какую-то миссию, и пошел в гору. Когда я с ним познакомился, у него уже была жена и квартира в **Нью-Йорке**, и в **Анголу** он приехал заместителем начальника транспортной службы – то есть, этого самого финна. Сошлись мы с ним сразу: он простой был, как две копейки, очень веселый, и я слышал, что он все время повторяет «**Белоруссия**», «**Белоруссия**». Я спросил: «**Миша**, а причем здесь **Бе-**

лоруссия?» Он отвечает: «Так я же из **Белоруссии** родом». Я: «А откуда?» Он: «Из **Гомеля**». Я: «Ну, надо же, я тоже из **Гомеля!**» А потом, когда я служил третий срок в войсках **ООН**, в **Уиже**, **Мишу** туда перевели главным по хозяйственной части. И он тоже столовался у нас «в общем котле», про который я уже говорил. **Миша**, дай Бог ему здоровья, всегда помогал нам, чем только мог.

◆ Как служба в войсках ООН засчитывалась в общую выслугу?

Поскольку мы, переводчики, относились к лётным экипажам, мы были членами экипажей – день за два. Нужно было делать справку соответствующую.

День за три (как в воюющей стране) нам так и не засчитали, поскольку Ангола на тот момент не считалась воюющей страной. Тем не менее, например, военнослужащим украинской понтонно-мостовой роты так и было определено: день за три. Так что их офицерам, служившим там по полгода, шёл дополнительный год к выслуге.

Очень многими делами, особенно бумажными, занимались именно мы – переводчики и офицеры по связи и взаимодействию. Это легко объясняется: мы хорошо знали язык, основную документацию ООН и местные законы-обычаи. В миссии ООН был такой **СОР** – что-то типа **Устава ООН**. Естественно, мы его изучали и пытались извлечь как можно больше выгод для наших ребят, чтобы как-то скрасить службу, проживание, питание и прочее.

Что мы только ни делали! Например, ночами было очень холодно. А наши ребята в **Лубанго** увидели, что

в румынском батальоне у всех есть спальные мешки, причём с эмблемой **ООН**, то есть, явно не свои. Они тут же доложили в **Луанду**, и я пошёл выбивать это дело для наших. А когда приходишь к человеку, который отвечает за то, о чём просишь, он просто достает с полки этот **SOP** и начинает смотреть, положено нам это или не положено. Приходилось опять писать слёзную бумагу, что без этих спальных мешков наши лётчики замерзнут, а им летать, обеспечивать безопасность полётов, и так далее. Про своих курсантов я уже рассказывал – мы эти бумаги наловчились писать очень хорошо, всё по ооновской форме, в сильных выражениях и так далее. Я написал такую бумагу. А поскольку весь тыл, как я уже говорил, делился на гражданский и военный, я уже смотрел, как это лучше сделать. Например, идти к **Толе Рябому**, чтобы он подписал, а потом просто у него спросить, к кому лучше идти следующему, чья подпись ещё нужна. Он говорил, я приходил к тому товарищу, он спрашивал первым делом: «**Рябой** подписал? Ну, тогда и я подпишу». И так по цепочке, в итоге, когда приходишь к тому, кто непосредственно за это отвечает – в данном случае, за мешки – он видит кучу подписей и подписывает сам, а потом уже можно было ехать на склад и получать.

А на складе был ещё один украинский штабной офицер, **Юра Сокивский**, он был старый советский офицер, без примеси украинского национализма, просто видел, что приезжает свой и делал всё без проблем, что мог сделать, дай Бог ему здоровья. Так мы пробрили для наших ребят эти спальные мешки, и много других вещей.

◆ **Раскрой немного тему взаимоотношений внутри самой миссии представителей разных стран, разных национальностей. Может, были какие-то примечательные моменты.**

Много было интересного. Мы очень дружили с болгарами, просто прекрасные были отношения. Были у нас словаки, с ними мы тоже подружились. Комендантом лагеря долго был словак, который очень много мне помогал. С украинцами у меня со всеми были хорошие отношения, тем более что я по-украински говорю свободно. **У них одно время было требование, чтобы в их штабе говорили только по-украински** – ради Бога, по-украински так по-украински!

С украинцами был совершенно смешной случай. Не помню фамилии этого «украинского офицера» – он чисто русский был, из Одессы, служил там и там остался. Вроде, **Фёдоров** была фамилия. И идем как-то мы из столовой вдвоём с нашим замкомандира отряда, полковником **Патенко** – а он как раз был такой «**щирый хохол**», как раз из **Украины** родом, плюс ещё **Афганистан** и **Чечня** за плечами, прекрасный человек. А навстречу идет этот **Володя** из Одессы с простой русской фамилией. Он меня увидел, поздоровался. Видит погоны полковника и представляется: «Майор **Федоров, Украина!**» **Патенко** посмотрел на него: «Хм! Полковник **Патенко, Россия!**» Потом весело поржали втроём. **Володя** тоже очень много нам помогал. Я их познакомил, вечером мы уже втроем пошли в «Голубой берет», выпили за дружбу народов.

У меня были нормальные отношения с поляками – наверное, потому что по-польски я тоже говорил до-

статочно неплохо на тот момент. Замечательные отношения сложились с бангладешцами, а в миссии было очень много бангладешцев. Там был такой офис **Military Travel**, где происходило оформление паспортов, поездок куда-либо, и один из офицеров был капитан **Тарик**, бангладешец. Когда мы с ним познакомились, он очень удивился, что я говорю на бенгали, а когда я через какое-то время написал ему записку на бенгали, он вообще обалдел, то ли от ужаса, то ли от счастья! Звонит мне: «**Игорь**, это ты написал?» «Я». «Не может быть! А приходи ко мне». Я пришёл, и он просит: «А покажи, как ты пишешь». Я написал ещё что-то, он был просто рад. Весть о том, что есть русский, который говорит и пишет на бенгали, разнеслась по миссии очень быстро. А паспорта он мне после этого продлевал для наших не за три-четыре дня, как полагалось, а за полдня. Если я просил – мол, **Тарик**, надо срочно сделать двенадцать паспортов – утром забирал паспорта наши, в обед уже приносил.

Начальник штаба был португалец, полковник **Фариа**, очень умный и образованный человек, вежливый, мягкий. У нас сразу сложились хорошие отношения. Поворили мы с ним исключительно по-португальски. Вплоть до того, что приехала как-то наша комиссия, с ним нужно было решать какой-то вопрос – пришли к нему, я попытался разговаривать с ним по-английски, потому что у нас в комиссии было два человека, которые знали английский – а он всё равно по-португальски! У него один адъютант был португалец, а второй – бангладешец, два майора. С ними вопросы решались тоже на раз.

Они помогли нам даже в одном очень неприятном случае, когда кто-то сделал фиктивные продоволь-

ственные карточки, и наши господа, из российского посольства, приехали по этим карточкам покупать продукты, а приехали со своими женами. И все бы ничего, только жены из одного конца магазина в другой стали перекрикиваться: «Дуся, а ты того купила?» Их заметил новый security officer, он был поляк, **Анджей Шлебовский**. Он попросил их предъявить карточки. И естественно, стали они предъявлять, он заподозрил, забрал у них эти карточки. Что тут такого? Могли бы просто развернуться и уйти, и ничего бы дальше не случилось. Только они стали спорить о чем-то, что-то доказывать. А **Анджей** же видит, что это русские, он сам по-русски немного говорил.

Они потом пришли ко мне – **Игорь**, у нас карточки отобрали. Я спросил, кто отобрал. Пошёл в офис «секьюрити», у меня был там знакомый индус, **Рама**. Попытался выяснить, кто забрал, и **Рама** мне ответил, что это, наверное, новый офицер, который у них совсем недавно, только приехал и «топот копыт» изображает. Я пришёл к **Андрею**: поляк, спрашиваю? Он отвечает, что поляк. Я стал говорить с ним по-польски. Он удивился: русский? Отвечаю: русский. Откуда говоришь по-польски? Я ответил, что родом из **Беларуси**. Начали мы разговаривать – а он в это время уже сидел и писал грозную бумагу насчёт этого случая. Короче, потащил я его, естественно, в «Голубой берет»... А он, оказалось, успел уже доложить начальнику штаба, полковнику **Фариа**, об этом случае. Полковник **Фариа** пошёл мне навстречу – мол, **Джеронимо**, давай это решим как-нибудь так, как будто они не приходили, ничего не было, только карточки у них надо изъять, может, потом сводите их в магазины за ваши карточки, или ещё как-

нибудь. **Шлебовский** готов не давать делу хода, только чтобы фиктивных карточек больше не было. Так и решились.

Ещё было очень интересно, как мы решили отпраздновать **День Победы**. Мы написали бумагу, что **День Победы** – это наш государственный праздник, **Великий Праздник Победы** над нацизмом. И понёс я эту бумагу к полковнику **Фариа**. Он её подписал без разговоров, а написана она была на имя **Force Commander** – командующего войсками **ООН** в **Анголе**, того самого зимбабвийского генерала, которого я уже упоминал.

А до этого я ходил в службу **Recreation and Welfare** – то есть, та самая, которая отвечала за проведение всех этих праздников, у меня там был хороший приятель, капитан-замбиец. Я пришёл к нему и спросил, как все это провести, может ли он в этом помочь, выделить деньги на проведение этого мероприятия. Он ответил, мол, никаких проблем, что он может выдать деньги, только чтобы мы потом чеки ему принесли, на что всё потрачено. Только для этого нужно было писать бумагу на имя главного и подписать у полковника **Фариа**.

Вот только всё оказалось не так просто. Прошло какое-то время, мне позвонил адъютант **Фариа** – бангладешец, сказал, что надо зайти. Я пришел, и полковник, пряча глаза, сообщил мне: «**Понимаешь, Джемронимо, Force Commander** сказал, что этот праздник не входит в списки праздников, которые отмечаются в **ООН**, поэтому не получается выделить вам деньги». Мне даже стало жалко **Фариа**, потому что он действительно был очень хороший человек, и ему было очень стыдно за командование, за то, что столкнулся с такой

непрошибаемой тупостью. Я улыбнулся, сказал – мол, всё нормально, господин полковник, вы в любом случае туда приглашены. И он потом пришёл, и очень был доволен.

Естественно, что запасной вариант у нас был: мы с ребятами посчитали, сколько всё это может стоить, если проводить праздник за свой счет, какое лучше сделать угощение, сколько у нас может быть гостей, и во сколько это выльется. Получилось, что с каждого по двадцать долларов – не так много, можно было скинуться. Я вышел от **Фариа** – и пошёл искать желающих праздновать за свой счет.

Первыми, к кому я пошел, были болгары. Стучусь к ним в контейнер, они мне открывают. Захожу – там «картина маслом»: сидят все за столом, виски на столе, «**Игорь**, привет, заходи! Давай по стаканчику!» А время – одиннадцатый час утра! От виски я отказался, и рассказал им, что так и так, **Force Commander** бумагу не подписал. Они мне хором ответили что-то вроде «да пошел он... подальше, сами проведем!» Тут же скинулись по двадцать долларов, вручили мне деньги. Потом их старший – **Иван** – бегал за мной по всей миссии, потому что болгары ещё прибывали, и он всё просил, что ещё ребята хотят сдать деньги и прийти на праздник! Болгар в итоге набралось человек пятнадцать.

Дальше я пошел к словакам, они тоже глупых вопросов не задавали, сразу скинулись по 20 долларов. Пригласил румын – начальника медслужбы и начальника отдела кадров, они оба в Союзе учились. Венгры сказали: нет, это не наш праздник! Потом, правда, все равно пришли. Пришел **Анджей Шлебовский**, ещё два поляка с ним, тоже военные.

В итоге на нашем празднике были русские, украинцы, белорусы, поляки, словаки, болгары, один серб и один хорват. Несмотря на всю геополитику, они друзья были, «два брата-акробата», что называется. Также пришли румыны, француз – военный консультант, служил до **Анголы** в **Кувейте** с нашими ребятами, очень хорошо к нам относился и не раз помог. Праздник, конечно, удался на славу.

Как доставали продукты для угощения? Тоже весело. Я пошёл в столовую, а там работал ещё один бангладешец. Я к нему: «Помогай, друг, у нас праздник!» Он: «С радостью, никаких проблем, что надо, мясо, курица, картошка, ещё что? Говори, всё приготовлю!»

Мы с ним, кстати, тоже интересно познакомились: я пришёл в столовую в первый раз, а он только приехал. Я посмотрел на него – бангладешец, думаю. А сам только-только из **Бангладеш** приехал. Я спросил у него что-то по-бенгальски. Он аж подпрыгнул от неожиданности. С тех пор, когда я приходил в столовую, у меня просто ломилась тарелка, он мне распорядился класть по два вторых блюда, хотя полагалось только одно.

А начальником столовой был юаровец, с которым мы до этого тоже случайно разговорились и познакомились. Он разрешил мне всё это «отоварить», и тоже с удовольствием пришёл к нам на праздник. Мы когда на машине подъехали, за едой – я даже не ожидал, что бангладешец столько наготовит, причём всё горяченькое! Я его позвал на праздник – жаль, он дежурный был, так что поехал один юаровец, молодой совсем парень.

Так что **День Победы** прошёл на «ура». Все, кто пришёл, остались очень довольны. Я уже не помню этого, но мне рассказывали, что мы пели военные песни, а

в самый разгар празднества я вскочил и заявил: «**Так, теперь пьем ещё по одной рюмке и идем бить морду немцам из Одербрехта!**» Там была строительная компания «**Одербрехт**», которая принадлежала бразильским немцам, сбежавшим из **Германии** после **Второй мировой войны!** Говорили, что моя фраза привела всех в дикий восторг.

Ещё наша миссия была уникальной в плане межнациональных отношений, потому что там были индусы и пакистанцы, в одной миссии. С наградами на груди за войны друг против друга! И их, в качестве демонстрации «толерантности и политкорректности» отправляли на один наблюдательный пост, один «тим-сайт». Они были, конечно, «счастливы» очень. Слава Богу, конфликтов не происходило.

Немало было скандинавов: датчане, шведы, норвежцы. С ними у нас не было просто никаких проблем, они к нам очень хорошо относились, мы к ним тоже. У меня лично вообще по всей миссии были приятели, что было очень хорошо, если, не дай Бог, возникали проблемы.

Были французы, по-моему, были итальянцы. У французов была форма с обрезанными рукавами и такие шортики, почти как трусы, потешно смотрелось. Были новозеландцы – у которых в качестве эмблемы на военной форме – птичка киви.

По поводу птички киви тоже был замечательный случай. Был у нас один офицер, **Фёдор**, особист нашего отряда. Он очень подружился с одним из новозеландцев, того звали **Джефф**. **Фёдор** не знал ни слова, ни по-английски, ни по-португальски, как они общались – это был просто «цирк на колесах!» Самое смешное,

что после трёх стаканов они понимали друг друга без переводчика! Естественно, каких-то слов **Фёдор** в итоге нахватался... Он был очень большой мастер что-то готовить – жарить, парить, варить, хобби у него такое было. А у **Джеффа** был очень тонкий нюх, он сразу чуял, что **Фёдор** что-то там опять кашеварит, бежал выяснять, что это такое.

Однажды **Фёдор** купил тушки перепелов в «РХ», приготовил очень вкусно, ставит уже всё это на стол. Тут **Джефф** пришёл. Сели, выпили, стали всё это есть, было очень вкусно. И черт дёрнул **Джеффа** спросить, что это такое! А **Фёдор** был юморист большой, он и говорит: что-что, видишь, у тебя киви на шевроне, так это я птичек киви наловил и приготовил! За столом повисла мёртвая тишина. Это же для новозеландца святотатство! **Джефф** вскочил, начал кричать, убежал, заперся у себя в комнате. А начальник планирования миссии (**Chief Plano**) был тоже наш офицер, виияковец **Михаил Ионов**, очень хороший человек, к сожалению, несколько лет назад умер. **Миша** и говорит: «**Фёдор**, с ума ты сошел? Ты понимаешь, что у них киви – это национальная эмблема, что это гордость страны!» Тот: «Ёлки-палки, как же это я так не подумал, ладно, сейчас все исправим!»

Взял **Фёдор** бутылку виски, стаканы, закуску какую-то, пошёл к **Джеффу** мириться: «**Джефф**, ну пусти, ну ладно, ай эм сорри». В ответ даже нам было слышно: «Get out, I don't want to speak with you, пошёл отсюда, не хочу с тобой разговаривать!» Тот опять: «**Джефф**, ну прости!» И всё это на такой дикой смеси английского, португальского и русского, просто сказка! Наконец, **Джефф** смиловивился, впустил **Федора**,

они в комнате посидели вместе. Потом выходят, полбутылки виски осталось, вроде помирились, садятся за стол, всё хорошо, всё нормально.

Джефф успокоился, ест дальше этих перепелов. Но потом опять дёрнуло его спросить, что же это все-таки такое! **Федор** уже стал умный, только шутить не перестал – а зря. А рядом стоял дом полковника **Фариа**, и там у него жили попугайчики, штук пять или шесть! **Федор** и говорит: «Видишь дом полковника **Фариа** – а давно ты слышал его попугайчиков?» **Джефф** сначала не понял, что такое. **Фёдор** и продолжил: «Да надоели они, орут каждое утро, как оглашенные, я и не выдержал, свернул им шеи, и вот ты их сейчас ешь!» У **Миши Ионова** прямо ложка из рук упала, или вилка, чем он там ел, не помню. **Джефф** просто в трансе: начальник штаба миссии, полковник **Фариа**, уважаемый человек, и его попугайчиков вот так, а он – как соучастник преступления, ест этих попугайчиков?! **Джефф** вскочил из-за стола, выкрикнул какие-то проклятия и снова убежал в свою комнату. **Миша** так и сказал: «**Фёдор**, ты уже вообще, у тебя ума палата – ключ потерял! Ты хоть соображаешь, что ты такое несёшь?!» Тут уже **Федор** возмутился: «Как так, про киви шутить нельзя, про попугайчиков тоже нельзя, так про что тогда можно?!» **Миша** ему в ответ: «Бери свое виски и иди к нему, мирись, как хочешь!» **Федор** опять пошёл мириться, в конце концов, объяснил **Джеффу** кое-как, что это перепела. В ответ услышал: «**Федор**, ты так больше не шути!» Вот такие бывали ситуации.

Можно ещё отметить, что наша миссия по составу контингента была черно-азиатской. На основных должностях сидели представители африканских или

азиатских стран. Индусы, бангладешцы, негры и прочие. Европейских должностей было очень мало. Русских – ещё меньше. Зато были украинские – те же **Толя Рябой, Володя Фёдоров**, который сидел в **Air Operations Office**, департаменте воздушного движения, все борты, в том числе и мы, относились к этому департаменту. О засилье на должностях африканских и азиатских граждан очень хорошо написал **Михаил Точигин**.

И политкорректность и толерантность, которую приходилось видеть, просто доставали. **Европейцы панически боялись быть обвиненными в дискриминации, в расизме, неполиткорректности**. На это, если честно, иногда было просто противно смотреть, как европейцы буквально лебезили перед неграми или азиатами. А темнокожие – особенно местные, ангольцы – пользовались этим напропалую. Это было, конечно, очень и очень неприятно. Хотя, с другой стороны, подход к ним всегда можно было найти, особенно если умеешь с ними разговаривать.

У меня в работе были постоянно все семь языков, которыми я владею: английский, португальский, испанский, бенгальский, польский, украинский, белорусский. Белорусы там тоже были – лётчики, которые были ... зафрахтованы, что ли. Мы их тоже пригласили тогда на **9 мая**. Их там с нами трое было.

◆ Вертолётный экипаж?

Нет, самолётный. Уже не помню, что это был за самолёт, по-моему, **Ил-62**, но это не точно. Совершенно случайно мы с ними там пересеклись! В аэропорту встретились, я спросил: «Ребята, вы откуда?» Они от-

вечают: «Из **Беларуси**». Я – ух ты, земляки! Они тоже очень обрадовались. Я их сводил в магазин, помню, они купили всё, что им нужно было, а потом пригласил их: «Ребята, у нас тут **9 мая**, хотите – приходите!» А у них, кажется, были какие-то свои пропуска, то есть, специально не нужно было ничего заказывать, просто их пустили как-то выборочно – то ли в определенное время, то ли до какого-то времени. Так что, как я и говорил, у нас получился такой славянский **День Победы**, с небольшим добавлением французов, румын, и венгров, которые хоть деньги и не сдали, но все равно потом пришли! А я им на празднике ещё сказал: что же вы, ребята, какая разница, что у нас сейчас, такой праздник, нацистов победили! В общем, напоили мы их вусмерть.

А если возвращаться к неграм и азиатам – они, естественно, на все должности пытались протянуть своих людей. Круговая порука, мафия такая – я, конечно, в словах не толерантен сейчас, только именно так всё и было. Не скажу, что они так явно зажимали белых, хотя, может, это просто я уже научился с ними бороться? Меня очень быстро все запомнили, потому что я их начал ставить на место.

Простой пример. Приходишь по делам на приём к какому-то чиновнику, говоришь секретарше по-английски, по какому ты вопросу. А ооновцы набирали себе всегда местных секретарей и секретарш, по требованиям: знать язык и уметь печатать. Сидит такая секретарша у нужного тебе чиновника и беседует по-португальски со своей подружкой, которая к ней в гости пришла, просто болтает ни о чём. И в ответ на то, что тебе нужно к ее начальнику, отвечает: «**Подождите, видите, я с человеком разговариваю!**» Ладно, говорю, сажусь

и слушаю, о чём они разговаривают. Они говорят по-португальски, естественно, и чаще всего ни о чём. Через некоторое время я опять вежливо спрашиваю: когда же можно попасть к начальнику? Она мне опять, уже даже возмущенно: «Подождите, я с человеком разговариваю!» А я ей в ответ: «А о чём таком важном вы разговариваете?» И повторяю по-португальски её крайнюю фразу. И по-португальски же продолжаю: «Вот об этом вы разговариваете? Это очень важно?! У меня срочная бумага вашему начальству!» Это конечно, производило эффект полной неожиданности, подружка быстренько сматывалась, девчонка хватала мою бумагу и шла докладывать. А иногда, если совсем нагло себя вели, я добавлял: **«Это что, дискриминация белых? Чёрный расизм?»** Тут они вообще просто раскрывали рты. Как так, вроде как они привыкли всех обвинять в расизме, ведь это они пятьсот лет были в рабстве! А тут белый им говорит, что они проявляют чёрный расизм! И именно это быстренько приводило их в чувство. Так проблемы исчезали.

◆ **Бывали какие-либо трудности с бортпереводом, у тебя или других ребят?**

Слава Богу, нет, не припомню такого. Опять же, летали мы, в основном, по площадкам, в рамках расследований нарушений соглашения о прекращении огня, например. Возили наблюдателей ООН, гражданских служащих ООН, разные комиссии, должностных лиц и пр. Возили также гуманитарные грузы, но это достаточно редко.

Немало было полётов по MEDEVAC – медицинская эвакуация раненых, подорвавшихся на минах, больных.

Очень много было заболевших малярией среди личного состава воинских контингентов разных стран, иногда в очень тяжёлой форме.

Вообще наш вертолётный отряд постоянно находился в режиме «Stand by» – постоянной готовности к вылету. То есть команда на вылет могла поступить в любое время: днём, вечером, ночью. По боевому расчёту у нас был один час на подготовку к полёту (готовность вертолёта, экипажа), иногда даже меньше.

Наши вертолётчики проявляли чудеса героизма, не побоюсь этого сказать. Часто они выполняли посадки даже не на площадку, а просто на дорогу, изрытую воронками и освещённую фарами машин. Иногда приходилось искать площадку, поскольку соответствующие ооновские службы не могли выдать точных координат данного места. И ничего – находили и садились, и вывозили людей (раненых или больных), везли в Луанду в госпиталь. Вся ООНия рукоплескала! И люди потом были благодарны.

Так мы, например, один раз вывезли двух больных из Ндалатандо. Видимость была ужасная, потом возникли какие-то проблемы со связью с тим-сайтом, на котором находились больные. Но ничего – долетели, хоть и покружили немного над площадкой, но наши летчики смогли сесть, забрать больных и отвезти в Луанду.

Что касается полётов в большие города и, в частности, в Луанду. В столице (Луанде), конечно, был большой аэропорт, международного значения, две полосы, и график полетов там был очень плотный. Здесь уже требовалось сконцентрироваться, следить за обстановкой, и внимательно слушать, что тебе говорит диспетчер. Диспетчеры, слава Богу, были все грамотные, с хо-

рошим английским, если что-то непонятно – повторяли еще раз, так что – проблем не возникало.

◆ **Имеешь ли какие-то награды, грамоты за службу конкретно в войсках ООН?**

Конечно. У меня лично **две грамоты**, за первое мое пребывание в войсках ООН, в 1996 году, и за второе – в 1997 году, оба полугодия. У меня всего три «срока» службы в войсках ООН, по полгода. Есть медаль **“In the Service of Peace”** (На службе Мира), там, на планке цифра **«3»**, как раз по количеству сроков службы. А грамоты – что эта медаль действительна. Все эти грамоты, медали вручались на так называемых медальных парадах, мы туда выходили в голубых беретах, голубых шарфах. Так-то мы обычно носили круглый шеврон **United Nations** на правой стороне, или – у кого были – такие нарукавные повязки, на которых также был нашит шеврон. Или на груди носили такие – не медальки, скорее, просто блямбы, с эмблемой ООН.

Все эти представления на грамоты и медали практически всегда готовил я сам. Происходило это в отделе кадров, я туда ходил, пропечатывал все эти грамоты, медали, для своих брал, конечно, побольше экземпляров – мало ли, кто-то потеряет, или ещё что случится.

Самым главным в моей работе, и что я всегда старался делать – это было избежать разного рода конфликтов. Подход можно было найти ко всем, если понять, как с ним разговаривать. С большинством людей я работал по простому, но верному библейскому принципу: «Относись к людям так, как бы ты хотел, чтобы они относились

к тебе!» То есть простой, искренний, человеческий подход, без криков и воплей, и топаний ногами.

Конечно, помогало, что я знал не один-два языка, а больше. Потому что те же бангладешцы – они от меня просто балдели: как это, европеец говорит на бенгали! У них это вызывало «приятный шок». А про нигерийца, который нам всячески помогал, я уже рассказывал. Он же меня потом познакомил с ещё некоторыми своими товарищами, которые тоже сидели на довольно важных должностях. С бразильцами и уругвайцами работать тоже было просто замечательно.

С бразильцами и уругвайцами изюминку добавляло то, что среди них было очень много эмигрантов. В том же **Military Travel**, где сидел этот капитан **Тарик**, так до него там работал **Данила Загович**, чистый серб, сын эмигрантов. Конечно, по сути, он был уже бразилец, сербского языка не знал вообще. Ещё там было много немцев – потомков тех, кто сбежал в Латинскую Америку после Второй мировой войны. Сидим один раз, например, в «Голубом берете», и заходят туда бразильские военные врачи, у нас были свободные места, они подсели к нам. Разговорились. Один заявляет: «**А у меня мама украинка!**» Отец немец, а мама – украинка. Вот такой бразилец оказался. Такой же бразилец был там **Пётр Вечорек** – поляк, в госпитале служил, я ребят к нему водил анализы делать. Когда мы жили на **Вилле Алиса**, старшим среди уругвайцев там был майор **Хартман**, его отец был выходцем из Третьего Рейха. А отношения у нас с ними были замечательные.

Еще там была португальская рота связи – с ними тоже не было никаких проблем. Про шведов и других скандинавов я уже говорил.

◆ **На дальнейшей твоей службе, профессиональной деятельности как-то отразились эти твои командировки в Миссию ООН в Анголе?**

В первую очередь именно на профессиональной – я получил там очень хороший опыт. Работа офицера по связи и взаимодействию дала отличную практику. Когда я уже вернулся в **Россию**, я очень много работал с делегациями, и очень многое в этой работе, как оказалось, я в миссии ООН уже проходил. Кроме того, у меня там был весьма приличный налёт на вертолёте **Ми-8**. Это мне и сейчас помогает – поскольку я работаю с компанией «**Еврокоптер**», именно с вертолётами, уже только на этих немецких вертолётах больше 300 часов налетал. Работа с делегациями стала просто сказкой – потому что я уже всё умел и знал.

И уже когда я перевелся из **ВИИЯ** в **Институт военной истории МО**, я стал служить в международном отделе – это снова встречи, делегации, контакты, визиты, посольства, визы, документы, то есть, опять всё то, чем я занимался в войсках ООН. Опыт, конечно, просто бесценный.

И ещё – в плане общения с людьми, установления контактов, особенно гашения конфликтов. Потому что конфликты всё равно возникают в повседневной жизни, в работе. Приходилось договариваться, действовать всеми возможными методами, чтобы наши ребята могли нормально летать, нормально жить, есть и спать, и отдыхать. Ведь всё это висело как раз на офицерах по связям и взаимодействию – фактически, на переводчиках. Переводчики были просто незаменимы. И ещё для меня это была уникальная возможность поддерживать

в работе все свои семь языков, это для переводчика вообще сказка.

Очень много довелось встретить интересных людей. Много кого можно называть. Например, румынский майор **Ливио** – мы с ним сошлись на том, что мы «очень любим негров», но странную любовью. Он мне даже сказал, что когда видит белое лицо, ему просто страстно хочется ему помочь! И конкретно нам он очень помог, много жилых контейнеров предоставил.

А вывела нас на него украинка **Оксана Железняк**, она работала в **Accommodation office** – размещении личного состава. Это она нам сообщила, что придётся уезжать с **Виллы Алиса**, но «ребята, не волнуйтесь, я постараюсь организовать вам контейнеры на **Вилла Эшпа**». Она была замечательным человеком, сколько всего для нас сделала! Я, как мог, подаривал её подарками, ананасами и кофе из **Уиже**, тортики покупал.

На подарки, конечно, приходилось тратить небольшие деньги. Однако это того стоило, и я об этом совершенно не жалею. Потому что когда ты относишься к людям нормально, то и люди к тебе относятся соответственно. Это же не взятка, это так – человеку приятное сделать. Поскольку у нас было две машины, мы могли себе позволить кого-то куда-нибудь подвезти. Если видели знакомых – всегда старались подвозить, даже если нам нужно было в другую сторону ехать. А люди знали, что нам в другую сторону! И видели наше отношение к себе. Так что в плане решения проблем и установления отношений с людьми – в первую очередь, это был богатейший опыт.

◆ **Вот такой интересный вопрос, не совсем по теме, но важный: как, при каких обстоятельствах ты узнал о гибели Жонаса Савимби?**

Это я узнал уже в **России**. В **2002** году. У нас как раз в **России** был послом генерал «**Нгонго**», большой друг **Советского Союза** и **России** (впоследствии – **Министр внутренних дел Анголы**). В честь этого события был приём, в ангольском посольстве. Мы все пришли. Там было очень хорошее действие. Был показан фильм непосредственно про убийство **Савимби** – естественно, не сам процесс, как его убивали, а уже что произошло потом. Слухи были самые разные: что его «убрали» чуть ли не юаровские спецназовцы.

◆ **Надоел?**

Да, всем надоел! **Савимби** – он, на самом деле, уже закоснел. Во-первых, он входил, по-моему, в двадцатку миллионеров мира. Каждые полгода в **ЮАР** летал самолёт, полностью набитый алмазами. Думаю, это о чем-то говорит. Кроме того, он, естественно, хотел власти! Если он и шёл на какие-то переговоры, то потом сам их нарушал. Когда было объявлено о разоружении, унитовские солдаты и офицеры сдавали не новое хорошее оружие, которого у них хватало, а чуть ли не пиратские пистолы и пищаля, которым по триста лет, которыми колонизаторы пользовались! Или прочее старое неисправное оружие. А исправное оружие сохраняли и продолжали стрелять.

На границе с **Анголой**, несмотря на все миссии **ООН** и т.д., всегда стояло (по разным данным) около

30–40 тыс. хорошо вооружённых унитовских солдат. Там были ооновские лагеря. И унитовцы поступили просто – пригнали туда своих женщин, детей, стариков, инвалидов, немощных солдат, и так далее. И получали всё, что им необходимо было. А боеспособные части стояли на границе **Анголы** с сопредельными государствами. Даже был такой случай, при нас, когда ангольские войска, **ФАПЛА**, пошли помогать в соседний **Заир**, установлению новой власти – сейчас это **Демократическая Республика Конго**. В те провинции – **Шаб**, по-моему, уже не помню точно, на юго-востоке **Заира**. А когда они возвращались назад, решили немного погонять **УНИТА**. И начались столкновения!

◆ Когда это происходило?

Это всё ещё девяносто седьмой год. То есть, если исходить из простейшей логики, то кого гонять-то? (*смеется*) А получились настоящие бои. **ФАПЛА** – они возвращались с орудиями, с танками, и там развернулась настоящая война. О чем, естественно, тут же было доложено в **Нью-Йорк**. А **Савимби** в этот момент заявлял, что нет, это не наши, они нам не подчиняются! В общем, весь обычный бред, который несут политики. Когда надо что-то скрыть.

◆ Ещё один вопрос не совсем по теме: сюжет книги «ТАСС уполномочен заявить...» имеет какое-либо отношение к Анголе, или это собирательный образ африканских войн?

Естественно, собирательный. Это получился прекрасный фильм, я его сам помню ещё с детства. Наш любимый **Штирлиц-Тихонов** там в главной роли!

Вот эта «**Нагония**»... Вообще, можно сказать, что таких фильмов было несколько. Можно вспомнить «**Красного скорпиона**» с **Дольфом Лундгреном**, как там якобы русский спецназовец, советский, орудовал. Это прозрачные намеки! Единственное, что в «**ТАСС уполномочен заявить...**», по-моему, кубинских войск не было. А в «**Красном Скорпионе**» были конкретно показаны кубинцы и русские! Естественно, «**ТАСС...**» – о тех событиях, а как иначе? **Юлиан Семёнов** – он был в **Анголе**, он ездил по **Анголе**, собирал материалы.

Вообще, у нас в стране народ как-то себе не очень до конца представляет, что такое **миссия ООН**. То есть, думают, что ооновцы – это же здорово! Естественно, все знают, что это «хорошие денежки»!

◆ Это, наверное, основное?

Да. Но – разъединять противоборствующие стороны! Войска ООН ведь просто так в страну не вводятся. Они вводятся для того, чтобы стать заслоном между воюющими лагерями! И получается, как я уже говорил... У меня очень много знакомых, которые стояли в этом вот «разделении противоборствующих сторон», а эти «стороны» стреляли через них друг в друга! Вели обстрелы, самолёты летали, друг друга бомбили. Через их головы! А то и просто, если вдруг чего, то и убивали ооновцев, и всё!

Миротворческие операции, ещё раз напомню, подразделяются на два типа. Есть **peace-keeping opera-**

tions – то есть, операции по поддержанию мира, а есть **peace-making operations** – так называемое принуждение к миру. «**Писмейкеры**» – они имеют право применять оружие. «**Пискиперы**» же – им это, в принципе, не разрешено. А большая часть операций, где вводятся войска ООН – это операции по поддержанию мира, **peace-making** – эти можно по пальцам пересчитать. Ещё раз повторю: с ооновцем могут сделать все, что угодно! И потом государство, чьи военные были убиты, может подавать ноты, кричать, что это безобразие, и так далее, но люди уже убиты, их не вернёшь!

Не говоря уже обо всех этих тропических болезнях: малярии всех видов, амёбной дизентерии, гепатите, шестоматозе. Да и просто климат африканских саванн и джунглей белому человеку не очень-то подходит!

Так что, возвращаясь к «хорошим денежкам» – за просто так деньги не платят! Ни одна страна в мире! ООНовец может оставить в миссии своё здоровье, а то и поплатиться жизнью, быть убитым или умереть от болезни!

Вот такие «хорошие денежки».

А люди, обычно, это все слабо себе представляют.

САВИН

Александр Иванович⁷

Подполковник запаса (с 1998 г.)

Сам я родом из Забайкалья. Родился я в 1960 г. Село, где я родился было селом переселенцев из Западной Украины, Польши, Белоруссии. Возможно, что это отложило отпечаток на всю мою жизнь. Рядом были старообрядческие сёла и мои предки по линии матери были оттуда.

В селе говорили и говорят до сих пор на украинском языке.

Рядом озеро Танга (?)

Воспоминания как я пошёл в школу – тогда было очень много инвалидов – ветеранов Великой Отечественной Войны. Без рук, без ног. Я пацаном это отлично помню.

И это воспитывало и дисциплинировало, поскольку и наша семья и все в нашем роду принимали участие в различных войнах. Потом переехали по разным обстоятельствам жить в другое село и я вырос уже в селе таёжном. И уровень жизни был там совсем низкий. Был колхоз, родители в нём работали. Зарботки были низкие. Мы занимались соответственно заготовкой ягод и грибов.

⁷ Запись сделана 21 июля 2011 г.

Село было разделено рекой. За рекой была четырёхлетняя школа. Два учителя на четыре класса. Один из них – директор. Другой – завуч. Учеников было семь человек. То есть фактически индивидуальные занятия.

Там же я начал ходить в тайгу на охоту. Любый уважающий себя пацанёнок стремился в тайгу, поймать там зайчика или белку. Ловить рыбу таёжную – таймень, хариус. Научиться стрелять. И первого зверя я добыл в 12 лет.

И это наложило на меня отпечаток очень сильный – я до сих пор занимаюсь охотой и с удовольствием приезжаю туда на охоту.

Школу я закончил не плохо не смотря на то, что много времени уделял тайге. После этого поступил в политехнический институт, на инженера горных выработок золотодобычи. Но мне там не понравилось. Это было не моё и я его бросил и пошёл в армию...

В школе нам давали права тракториста (на гусеничный **Т-75** и колёсный трактор **Беларусь**). Я землю пахал. Потом работал одно время помощником комбайнёра на комбайне **Колос**.

Потом перед армией закончил школу ДОСААФ по специальности водитель профессиональный грузовика. Учили нас водить грузовики **МАЗ-500**, **Зил-130** и **ГАЗ-52**.

И 28 октября 1978 г. я был призван в ряды Советской армии в инженерные войска, служил в Эстонской ССР. Моя военная специальность была механик-водитель **ИМР** (инженерной машины заграждения). Полгода учебки на эту специальность.

Стал младшим сержантом, потом сержантом, потом старшим сержантом. Через полтора года я посту-

пил в Военный Институт Иностранных языков. На экзамене сдавал немецкий. Он у меня был в школе. Пять лет учился в институте. Бенгальский язык – первый. Английский язык – второй.

Во время учёбы у меня была практика использования языка в 1983 г. когда прилетел борт в Шереметьево II из Дакки. Он шёл через Москву не знаю куда. И у нашей таможни и у пограничников появилось сомнение – не везут ли они наркотики в чемоданах спрятанные в рёбра жёсткости?

А экипаж отказался разговаривать по-английски. Сказали – дайте нам переводчика с бенгальского языка.

Это было у меня начало третьего курса и мне сказали, что надо переводить и я поехал. Меня переодели в форму старшего лейтенанта пограничных войск. Я поехал в Шереметьево с большим толстым словарём.

И в общем-то успешно перевёл, что было необходимо и борт этот выпустили...

Я закончил Военный Институт Иностранных Языков в 1985 г. и остался служить в Москве, потому что в других городах работы с бенгальским языком не было. Я служил в своём институте в учебном отделе.

Потом в 1991 г. получилось так, что было необходимо наблюдатели ООН. И я закончил двухмесячные курсы на курсах Выстрел в Солнечногорске. Занятия велись только на английском языке. Это было всё достаточно интересно. Это был июль-август. ГКЧП.

И наши курсы немного скомкали и 10 сентября 1991 г. я вылетел в миссию ООН по проведению референдума в Западной Сахаре. Туда (до Марокко) мы (30 человек) добирались на военном самолёте **Ту-134** с одной дозаправкой. Долетели до Касабланки меня не

выпускали из самолёта два часа марокканцы, потом приехал консул и выяснилось, что я был в списке подозрительных лиц который приехал явно не миротворить, поскольку я служа в Военном Институте ездил по договору ОСВ-2 на различные базы и заводы в США, наблюдал за уничтожением ракет средней дальности **Першинг-2**. И американцы раз я находился у них в списках в составе групп наблюдателей, решили, что я из ГРУ.

Разобрались, меня выпустили и из Касабланки полетели Марокканском военном транспортном самолёте **С-130 Геркулес** до Эль Аюна

Тогда только-только стали собираться в эту миссию **МИНУРСО (MINURSO)** (название Миссии ООН по проведению референдума о западной Сахаре) представители 34 стран. От постоянных членов Совбеза ООН – по 30 военных наблюдателей (Китай, США, СССР (тогда), Англия, Франция). От остальных стран было по 15, по 10, были даже по 1 военнотружающему (из Австрии).

Формировали группы так, чтобы каждый из советских наблюдателей ООН владел двумя языками и часто одним из языков был арабский, а вторым – английский или французский.

Я использовал только английский язык.

Я могу сказать с гордостью, что наши офицеры имели преимущество перед другими офицерами. Во всех переговорах, которые проходили с представителями противоборствующих сторон участвовали обязательно наши офицеры с арабским языком, которые переводили переговоры на английский или французский и это было очень большим подспорьем, потому что практически никто из наших зарубежных коллег

не владел арабским языком. Знали только западные языки – французский или английский.

И мы были незаменимы в отношении переводов.

Плохо знали английский офицеры из Латинской Америки. Говорили кое-как. И их никогда не ставили старшими патрулей.

Американцы вновь прибывавшие в миссию ООН не понимали австралийский диалект и нам приходилось им сначала помогать записывать радиосообщения.

Правда, референдум о независимости не проведён до сих пор. Обе стороны всё никак не придут к условиям которые устраивали бы всех по проведению референдума. И воз и ныне там, хотя первоначально его проведению планировалось на 1992 г.

Было два сектора в западной Сахаре – северный и южный. Одним командовал французский генерал, а другим – английский.

Когда мы прилетели туда, там не было ничего готового. Это было развёртывание сил ООН. Было лишь заключение перемирия, хотя оно и нарушалось, но по войска ООН огня не открывали. Нарушали договорённости и марроканцы проводя разведывательные полёты на **Миражах**.

И нужно было выдвигаться вдоль линии фронта 1100 километров. Вдоль великой песчаной стены, практически от Мавритании до Алжира. Её марроканцы строили, если не ошибаюсь 18 лет. Это грандиозное инженерное сооружение. С обеих сторон стояли Team-Sites (командные посты) военные каждый примерно через 100 километров.

Эта стена была проведена по складкам местности, где естественная стена – в горах, а между долинами –

стена насыпная. На ней везде были боевые точки, танки, пушки, гаубицы 105 мм стояли гарнизоны. Минные поля со стороны Мавритании. Высота – до 4-х метров на севере, до 1 метра на юге.

Фронт **ПОЛИСАРИО** (его поддерживает Алжир) не имел ВВС, но средства ПВО (**Зеушки**) (**Зушки**) (**Зу-23-2**) (калибра 23 мм) и **ЗПУ-4** (калибра 14,5 мм) производства СССР. Были и ракеты (по четыре или по две штуки) на тягачах. И они сбивали **Миражи** марокканских ВВС.

Так получилось, что в каждом Team-Site располагалось по три русских, три американца, 2–3 англичанина. Остальные были из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Каждая группа состояла из человек 18–19.

Марокко предоставила нам совершенно разбитые английские джипы «**Лендровер**», явно списанные из армии. Были и французские грузовики «**Пегасо**».

Сначала не было вертолётов. Не было вообще ничего. Мы жили первые полгода в палатках брезентовых польского производства, каждая на шесть человек. А температура (в тени) доходила до + 60 градусов.

Лендроверы были открытые, сделаны из дюрала. Они были совершенно убитые. Не было **ЗИПов** никаких, было мало запасок. Из серии – ребята, вот вам вездеходы старые, мучайтесь на здоровье.

И когда мы поехали в каменистую пустыню (а там есть песчаная, а есть каменистая пустыня, в последнюю сейчас каждый внедорожник ООН меньше чем с тремя запасками не ездит), колесо спустило, а домкрата не было. И я предложил американцам и французам – трое держат за днище корпуса руками, а один меняет колесо.

Они на меня посмотрели – откуда ты знаешь такое новшество? Я в ответ – да в России такое делается постоянно. Для них это было несколько необычно.

Из всех военных наблюдателей только несколько россиян имели подготовку как водители грузовиков. В частности и я, поскольку я заканчивал школу ДОСААФ.

У нас не было никакого обслуживающего персонала, мы сами всё делали, сами подвозили необходимые грузы.

Кроме меня в моей группе был **Сергей Голубев**, который тоже имел права на вождение грузовика.

То есть мы – офицеры ООН (я был тогда в звании капитана) сами себя обслуживали. Сдавали там на права на право вождения грузовика.

У меня английский был не беглый и мне один англичанин сказал – **Алекс**, не ездь с американцами и неграми – они тебя научат не тому английскому языку, а ездь со мной, будем беседовать на английском. И мы ездили по 4–7 часов ежедневно почти и постоянно о чём-то говорили. Он меня натаскивал. Я вспоминал язык и быстро вошёл в ритм, стал на слух принимать радиотелеграммы, записывать рапорта патрулей.

Разместились прямо в пустыне. Никакой технической воды и горячей пищи и света полгода не было. Воду доставляли в пластиковых бутылках по 1,5 литра. Ею же и обливались, ею же брились. Возможности постирать форму не было. Полгода питались американскими сухими пайками. Он был порядка 13 видов. Рыба, гуляш. Но это всё на карбиде. Как откроешь, зальёшь водой, сразу само разогревается. Разные шоколадки вроде Сникерса. Могу сказать, что первые дни интересно поесть, потом не лезет в глотку никак. Всё консервировано до такой степе-

ни, чтобы не портится даже в пустыне без холодильника. Скорее всего натурального в сухпайках не было ничего

Праздники жизни были, когда **полисарницы** приглашали нас к себе и варили нам верблюжье мясо. И это был праздник! Ничего другого горячего мы не ели.

Было не просто работать в пустыне. Это были очень жёсткие условия.

У наших военных снабженцев не было опыта и нас отправили туда в очень плотной специально пошитой камуфляжной пустынной униформе и в кирзовых берцах. И у нас ноги горели.

Я тут же выменял у француза себе брезентовые берцы, потому что они гораздо более приспособлены к пустыне и они «дышат».

И ещё одну пару берцов выменял у американца на полевую нашу сумку (планшетку) (у нас она кожаная, а у них – брезентовая)

Один наблюдатель раз побрился местной водой из колодца и у него на следующей день образовалась огромная корка на подбородке и его отправили в госпиталь в Испанию на лечение.

Все наблюдатели ООН были безоружные. Самая большая проблема было – минные поля. Миллионы мин всевозможных марок из множества стран мира. Часто их сбрасывали с самолётов и вертолётов. Контейнеры летели на землю, ударялись, рассыпались, мины становились на боевой взвод и их было немереное количество! И не извлекаемые и противопехотные с пластмассовыми корпусами.

Подрывались у нас ребята – ооновцы очень часто, гибели не было, но раненые были. Отрывались колёса, отрывало двигатель.

Спасение от подрывов были – мешки с песком на днище вездехода, чтобы не подбросило при взрыве и бронезилеты на сидение.

У нас был майор с арабским языком (я к сожалению забыл его фамилию) из Новороссийска из десантной бригады. Он три раза подрывался и его перестали брать на патрулирование. Так и сказали «ловец мин». Пусть сидит на радиоперехвате и никуда не ездит.

Я сам лично заезжал на минные поля неоднократно и с майором **Василием Пирожковым** и с **Володей Сараевым**.

Помню один раз я был старшим патруля и лежал взорванный верблюд и сгоревший **Лендровер** (это было когда я первые полгода служил на стороне **ПОЛИСАРИО**).

И когда я это увидел, я остановил машину, а во второй машине ехал один **полисариец**.

И я попросил **Васю Пирожкова** (он владел арабским языком) говорю – спроси у него что тут такое?

А тот отвечает совершенно спокойно. А вы знаете, мы едем по минному полю.

Я говорю – а почему ты молчишь об этом.

Вы знаете, отвечает – Бог дал, Бог и взял. Иншала (на всё воля Всевышнего). Поэтому я спокоен. А остальное – ваше дело.

А у меня китаец сидел за рулём. Он всё прекрасно понял (перевод был на английский) и сказал мне: **Алекс**, я никуда не поеду. Я подожду когда за мной придёт вертолёт (это уже было через полгода когда у нас появились наши вертолёты **Ми-17** с опытными гражданскими экипажами из Сибири)

Я говорю **Васе Пирожкову** – садись во вторую ма-

шину за руль. Я сяду в первую машину за руль. И мы задним ходом ехали по своим следам полтора километра все были потные, ожидая что вот-вот взорвётся.

Был другой случай – ночной патруль, я задремал, за рулём был капитан – канадец (это было когда на смену убитым марокканским открытым **Лендроверам** пришли хорошие японские **Нисан-Пагролы** с кабиной) и вдруг проснулся от того, что ударился лбом о ветровое стекло.

Я говорю этому капитану – что же ты так плохо водишь? А тот – ты не обижайся **Алекс**, выйди и посмотри.

И я вижу у нас перед бампером на расстоянии не более 50 сантиметров воткнувшийся в песок реактивный снаряд от **Града (БМ-21 или Град-II)**.

Мы только выехали из-за пригорка. То есть когда-то тут кого-то обстреляли и снаряд не разорвался. Мы шли на скорости ночью, его не было видно, хорошо, что капитан-канадец во время среагировал, ударил по тормозам. Иначе нас бы разнесло так, что не нашли бы и останков.

Другой раз снимал фотоаппаратом маленькие дыньки – едва ли не единственное растение в пустыне. Они жёлтенького цвета. Я смотрю в объектив и вижу – мина стоит и тоже жёлтого цвета. Я подозревал француза – смотри. Ну – дынька. Смотри. Ой мина!

Мы стали смотреть – а мины – везде.

Поэтому основная опасность которая подстерегала в западной Сахаре – полное отсутствие карты минных полей.

Я вёз один раз китайца в Эль-Аюн. Он попросил остановиться Pease-breake (сходить по малой нужде).

Он открывает дверь **Нисан-Патрола**, я смотрю – туда, куда он должен ступить, торчат перья кумулятивной мины (перья её напоминают рожки).

Я говорю – стой, не ступай. Я потихонечку вышел, залез на крышу, сморю – метрах в 300 авиационный контейнер с минами лежит, они из него вокруг высыпались, все поставлены автоматически на неизвлекаемость.

У нас был швейцарский батальон медицинский⁸ и они определяли – сколько же военнослужащий должен там служить. По их рекомендациям военный наблюдатель ООН в западной Сахаре должен был проработать не более 180 дней (полугода) по климатическим показателям. При этом было необходимо пить ежедневно не менее 7,5 литров воды. Едешь на патрулирование и пьёшь воду постоянно.

По 180 дней служили все страны, кроме Китая и СССР (потом – России). Я там пробыл один год и десять месяцев. Выдерживали такую службу только мы и китайцы.

И для наблюдения за прекращением огня мы ежедневно выезжали к линии фронта. И делали больше 200–300 километров в день. У нас не было тогда GPS (спутниковой системы глобального позиционирования). А вы представьте, что это такое – по пустыне ехать без спутниковой связи, без карты. А карта, если

⁸ В каждом team-site был швейцарский медицинский грузовик высокой проходимости типа нашего **ГАЗ-66** с кунгом, где медицинское оборудование вплоть до проведения операций. И я был ответственным за её техническое состояние и раз в 10 дней должен был заводить грузовик, проехать по пустыне, поставить на место (прим. авт).

она и есть, то показывает только пустыню и некоторые возвышенности.

И первые полгода всё шло на ощупь, всё шло по интуиции, часто блуждали.

Условия – палящее солнце. Нас научили **полисарийцы** – берберы, как завязывать чалму (тюрбан) из длинного (два метра) голубого куска ткани.

Закрывали всё тело. Перчатки, специальные тёмные очки – полоски, плотно прилегающие против палящего солнца и песка.

Не возможно было жить в палатке. У нас в Тифарийском Team-Site располагался полуразрушенный марокканской авиацией дом весь заминированный.

Тем не менее мы, русские офицеры посоветовались и решили вычистить его от мин без сапёров. Я привязывал мину длинной верёвкой к джипу и выволакивал в одно место (в это время все ребята прятались), где их позднее подорвали вызванные сапёры.

И в доме были глинобитные стены и в них можно было от жары прятаться, хотя и без электричества, но можно жить.

Другая опасность – песчаные бури. Песчаная буря могла застать в любой момент, поскольку никакого прогноза погоды у нас не было. Не было даже радио (оно там не ловится), не было газет и журналов. У нас на джипах стояло радио – оно трещало, но не брало ничего.

Ближайшей цивилизацией был город Смара – расположенный в 250 километров от Ааюна до океана. Небольшой анклав – оазис в пустыне. А у берберов (**ПОЛИСАРИО**) населённые пункты вообще отсутствовали. Они же кочевники.

И приедешь на линию фронта – их позиции расположены за камнями.

И мы неоднократно попадали в песчаные бури и песок несёт сплошной стеной. Это трудно себе представить.

У меня есть фотография – мы в **Нисане-Патроле**, закрыли всё, что только можно, виден немного капот, а дальше – не видно вообще ничего – сплошная стена песка.

В этом случае – ешь сухой паёк, пьёшь воду, откидываешь спинку и пережидает.

Ещё одна опасность – скорпионы и змеи (рогатая змея). Если кусает скорпион – рука распухает. Везли в госпиталь в Эль-Аюн.

Со змеями мы приноровились – окапывали палатку и клали вокруг натуральную верёвку, иногда смоченную в керосине. И змеи через неё не переползали. И у нас жили две собаки, которые их облаивали. Как у нас лайка лает на зверя, а у них – на змею.

Приезжаешь на пост **полисарийцев**, они показывают – за ночь мы убили несколько змей.

Как везде бывают и случаи курьёзные и одно такое курьёзное происшествие случилось в западной Сахаре с русским офицером. Он был из морской пехоты откуда-то с Дальнего Востока, из Находки.

Я совершенно случайно был в нашем team-site и сидел на рации и слушал эфир и слышу разговор двух офицеров – англичанина и американца. Слушай, помнишь возле такого-то Team-site было дерево – известный ориентир. Так его сбили машиной.

Я встрял в этот разговор. Они меня сразу узнали по голосу. А это ты **Алекс**? Догадайся с трёх раз, кто мог это дерево сбить?

В каком Team-site? В таком-то.

Там у нас есть один морпех русский, наверное он и сбил.

Они посмеялись молодец, срезу догадался.

Это надо было уметь – найти в пустыне единичное дерево, которое для всех является маяком, ориентиром на местности, чтобы пьяным выехав из team-site поехать в ту сторону, в дерево врезаться, снести и разбить машину (**Нисан-Патрол**). Это уникальный случай – не смог объехать единственное дерево в том районе. Позднее этого морпеха за пьянство отослали обратно в Россию.

Другой случай – мы с **Серёгой Голубевым** (он тоже был из военного института с английским и португальским языком). И мы с ним в конце 1991 г. решили американцев немного разыграть.

Американцы говорили – нам очень интересно работать с офицерами из СССР. Мы отвечаем – нам тоже очень интересно, мы хотим набраться опыта против вас и затем забрать у вас Аляску обратно.

– Как так?

– Да вот так, мы специально приехали работать в миссию ООН посмотреть на что вы способны. Из вас никто не владеет русским языком, а мы владем английским.

Мы говрим – нас в России уже подготовлено общественное мнение (тогда уже группа «Любэ» создала песню «Не валяй дурака, Америка!»).

А нас сюда послали для того, чтобы помотреть – насколько боеспособна американская армия.

Самое интересное, что эти два офицера срочно убыли в посольство США в Марокко. Они поехали до-

кладывать ситуацию – вот так и так, россияне помимо того, что занимаются миротворчеством, они высняют боеготовность американских военных – насколько они способны защищать Аляску.

Это была хохма, которую тем не менее американцы проглотили. Она прошла. Потом американцы в других team-site задавали наводящие вопросы, обращались к русским офицерам. Проверляли – достоверная эта информация или не достоверная.

Мы с **Голубевым** поохотали.

Везде в ооновских структурах состав такой, что там присутствуют представители различных спецслужб. Особенно этим грешил (и грешит) Китай.

Китайские военные – это тотальный сбор разведывательных данных. Буквально каждый из китайских военнослужащих ООН был обязан сделать что-нибудь полезное для отечественной спецслужбы.

У них приезжали полковники, которые надевали в ООН погоны капитанов и майоров и служили. Большинство из них принадлежали к военной разведке.

Сначала они отрицали, что служат в разведке, но потом признались когда я видел что они переводят на китайский все разведывательные сводки миссии ООН.

Я спросил – зачем ты эту галиматью переводишь? Тут о тыловом снабжении.

Нет, у нас есть Внутренняя Монголия, там есть подобные проблемы в пустыне с доставкой и мы должны знать, как они решаются в западной Сахаре.

Это, конечно, разумно. Они используют данный опыт.

К сожалению, наши дипломаты были не в курсе,

что происходило в западной Сахаре. Я раз приехал в столицу Маррокко и меня пригласил посол на беседу. Я три часа рассказывал обстановку, потом он не выдержал, пригласил нашего военного атташе в звании полковника и строго сказал – послушай человека из миссии ООН. Ты мне в сводках давал одну информацию, а там всё совсем не так. И я вновь стал рассказывать об обстановке. Полковник сидел понуриив голову и молча слушал. Он просто брал сведения из марокканских газет, а они сообщали не то, что происходило в западной Сахаре на самом деле⁹.

Китайцы были очень ответственны, очень дисциплинированы и надо сказать, были хорошо подготовлены.

Могу сказать, что россияне зарекомендовали себя там очень хорошо в мою бытность. Потому, что мы приспособлены к тяжёлым условиям. И кто может решить бытовые вопросы – русский офицер. Он на все руки мастер – технику чинить. Я приспособил бурдюк и сделал душ. Приехал командующий – перуанец спрашивает – кто это сделал. Русский офицер. Я стриг коллег. Приезжал к нам командующий и спросил меня можешь меня постричь? Конечно говорю, садись, постригу.

Серёга Гирин сделал турник, поставил перекладину, стал заниматься.

Я бегал вечерами по пустыне по 10 километров и со мной бегал один человек – морпех из США.

⁹ Другими словами многие в ГРУ (как в советские времена) черпали информацию в зарубежных газетах и журналах, не ведая, что она зачастую не верна (*прим. ред.-сост.*)

По ночам в пустыне холодно (+15) , а вечером – вполне приемлемая погода.

Командование миссии ООН относилось к русским офицерам очень здорово.

Бригадный генерал **Авален** (?) бельгиец он пригласил меня на ужин. Это бывало очень редко, чтобы сам командующий миссией приглашал офицера. И он пригласил меня после одного случая, когда машина взорвалась на минах и я вытаскивал раненых. Я был на второй машине, а первая подорвалась.

И никто, кроме меня не полез их спасать, к сожалению. Кроме меня во второй машине были француз, англичанин и китаец.

Я вытащил всех четырёх из машины они были ранены осколками, я сделал им уколы обезболивающие.

И когда генерал меня тепло встретил на ужине и сказал, вы знаете, я на русских офицеров молюсь, потому, что они никогда не подведут. Они конечно могут позволить себе выпить, но что касается взаимовыручки и взаимопомощи, они – на голову выше остальных.

Очень хорошо зарекомендовали себя наши гражданские вертолётчики. Там воздух разрежён и они шли на высоте буквально несколько метров над пустыней, чуть ли не ехали.

Но к сожалению тогда никто из экипажей вертолётов не знал английского языка и одному из наших офицеров приходилось летать с ними в качестве бортового переводчика а на разведполёты летать с ними постоянно, когда надо было наблюдать за марокканской армией – считать количество войск на линии соприкосновения и количество бойцов **ПОЛИСАРИО**.

Вертолёт зависает над песчаной стеной, над во-

енным гарнизоном и считаешь сколько у них там вооружения. И часто были случаи, когда марокканский араб – военнотружаший садитса за **Зу-23-2**, на тебя её наводит и следит за вертолётот. Ты ему сверху жестот показываешь – мол не стреляй, не надо, вертолёт голубого цвета с обозначением ООН.

И когда едешь на джипе вдоль стены, видно, что тебя сопровождают стволом пулемёта. Это не очень приятно. Но никогда **ооновцев** не обстреливали, хотя перестрелки между прежде враждующими сторонами бывали.

Вооружении у **ПОЛИСАРИО** старое советское – **БМ-21, БМП-1**. Получали они его через Алжир. Там и в Мавритании у них находились лагеря беженцев.

Мы туда летали, я встречался неоднократно с министром обороны **ПОЛИСАРИО**. В частности на празднике Рамадан – окончания поста, когда все надеются, празднуют. Скачки на лошадях, скачки на верблюдах.

По поводу службы. Как я уже говорил ротацию другие страны кроме России и Китая осуществляли каждые 180 дней. Но не выдерживали нагрузки и столь тяжёлых условий, выходили в пустыню. Я своими глазами видел как американский морской пехотинец стоял в пустыне и плакал. Первые полгода у нас была просто борьба за выживание

У нас **Везехевены** (немецкие кондиционеры) пришли только через полгода и сделали палатку частично утопленную и с кондиционером. То есть фактически дом.

Потом сделали так – 24 дня работаешь в поле и потом на неделю тебя отправляют в город отдохнуть. Нас вывозили в Алжир, а потом румынский экипаж на

грузовом **Ан-26** нас отвозил или в Огадир или в Эль-Аюн или на Канары.

И через неделю тот же экипаж нас отвозил обратно. Один раз была вынужденная посадка в песчаную бурю. Причины посадки я не могу сказать. Но когда самолёт начал снижаться, мы поняли, что мы сейчас будем садиться в пустыне.

Хорошо, что недалеко был город Смара. Сидения в самолёте (десантный вариант) были вдоль борта. Во время посадки кто молился, кто крестился, кто-то молчал, кто-то кричал от страха. Все вспоминали свою прожитую жизнь.

Все остались живы при посадке, самолёт побросало потом остановился, но раненых было много. Самолёт потом восстановили, приделали новые шасси и он летал. Умели делать крепкие самолёты в СССР.

Были случаи неприятные с вертолётами. Один раз шли на посадку как самолет (самолётная посадка вертолёта, когда после посадки он катится как самолёт).

Я сидел в кабине пилотов, осуществлял бортовой перевод и вот мы уже приземлились, катимся и вдруг впереди видим бочки с керосином и мы должны были их сбить. И моментально среагировал экипаж, ручку на себя, двигатель на форсаж и мы чуть-чуть не задев бочки прошли прямо вверх.

Кто сидел в салоне – они этого не поняли. А я подумал, что всё – сейчас будет огненное месиво и всё.

Мы взлетели, ещё один круг сделали, на другом месте аэродрома приземлились.

Кто-то из ооновцев-разгильдяев поставил бочки с керосином авиационным не на месте.

Когда я служил уже на марокканской стороне –

там у них всё цивильно, так у командира батальона по штату есть личный денщик и личный повар.

Начальник местного гарнизона. Он приглашает нас (**ооновцев**) – три – четыре человека и повар заранее на всех готовит.

Что касается солдата фронта **ПОЛИСАРИО** то его еда состоит из небольшой мисочки риса, кусочка хлеба и чай.

Они если ящериц (сантиметров 40 длиной), варили из них суп. Нас приглашали часто. Это у них было добавление к рациону питания.

У марокканцев всё другое – регулярная армия в казармах, плац для строевых занятий, места для боевой подготовки, всё здорово.

У **ПОЛИСАРИО** такого и близко не было – они просто партизаны. Они на джип водружали нашу четырёхствольную **ЗПУ-4** калибра 14,5 мм и поехали в рейд. Все кто на расстоянии ближе трёх километров – разбегайтесь.

Раз в неделю мы оставались ночевать у стены. Обычно в небольшом оазисе. Костёрчик разводили. Но я старался ночевать в джипе, раскладывал сиденье. Потому что много вокруг разных пресмыкающихся.

Полисариийцы к нам хорошо относились – там всё вооружение советское у них.

Там война из-за фосфатов. Затрат на его добычу нет почти. У **полисариийцев** сделан конвеер по пустыне в Алжир. И там вся борьба – за минеральные ресурсы.

◆ **Может ли начаться заварушка между сахарами (самоназвание местных арабов – жителей**

западной Сахары) живущими на марокканской стороне и ПОЛИСАРИО (берберами) даже если когда-нибудь они вместе проголосуют за независимость?

Это на самом деле может произойти. Но как мне кажется менталитет берберов, сформировавшийся за века и марокканских арабов – они не совместимы.

Но пропаганда у **ПОЛИСАРИО** заставляет верить в светлое будущее, как сказал вождь, но практика показывает, что при независимости все себе забирает племенная верхушка.

◆ То есть ПОЛИСАРИО никогда не пойдёт на присоединение к Алжиру.

Нет

В Марокко – светский ислам, никто не заставляет молиться по пять раз в день.

СЕРГЕЕВ

Александр Петрович

Майор запаса

Из Анголы¹⁰ я вернулся в 1989 г. в августе месяце.

У меня был первый французский и второй – португальский языки. Но французский язык у меня почему-то не пошёл и через полгода меня перевели на английский. (И по иронии судьбы я крайние 10 лет работал в ДРК только с французским языком и он у меня отлично пошёл. Я не знаю, как это объяснить).

Потом когда я получал второе высшее образование во Всероссийской академии внешней торговли, то я защитил диплом на французском языке.

Но это было после опыта работы в Камбодже и в ДРК.

В Камбодже я служил с 1992 по 1993 год. Я был на третьем курсе. Мы все были лейтенантами (я зва-

¹⁰ Об участии в боевых действиях в Анголе военного переводчика **Сергева** см. **Забывтая гражданская война в Анголе (воспоминания очевидцев)** М. 2012.

ние получил в Анголе). Потом, на четвёртом курсе мы получили автоматически звание старшего лейтенанта. Не получали следующее звание лишь те, кто уж чем-то нехорошим умудрялся прославиться.

Первая группа наша уехала в июле 1992. А я вернулся самым последним в марте 1993 г.

И поскольку это был самый разгар четвёртого курса, то нам сказали, что не будут оставлять на второй год и нас прогнали по ускоренной программе и выпустились в срок в 1993 году.

Я должен сказать, что на учёбе это не отразилось, потому что та языковая практика, которую каждый из нас получил в Камбодже и на португальском и на английском языке конечно нам очень помогла. Появилось чувство языка.

Мы работали в Камбодже постоянно с ооновцами. Нашей основной задачей был бортовой перевод.

К бортпереводу нас начали готовить заранее, но только не меня (смеётся).

Я не должен был туда поехать, меня включили в группу в самый последний момент. То есть я ни одного часа на подготовительных курсах по бортпереводу не отзанимался.

Мы прилетели в Сингапур на **Ан-124 «Руслан»** с четырьмя разобранными вертолётами **Ми-17**. Их экипажи и техники приземлились в Сингапуре для их сборки.

Мы там пробыли четыре дня. И за эти четыре дня пере до мной была поставлена задача освоить бортперевод.

То есть я весь день проводил при сборке вертолётов, обеспечивая перевод, и слушал в наушниках пере-

говоры экипажей которые взлетали и прилетали на рейсах международных авиалиний, чтобы ухо привыкало к языку. А по ночам зубрил руководство по борт-переводу.

И вот настал дынь вылета – нас было по одному переводчику на каждый борт. И один переводчик – главный должен был за все четыре борта вести перевод. И все трое переводчиков показали пальцем на меня. Гады!

Но ничего, я справился и провёл всю группу вертолётов от Синагпура до Камбоджи (свыше 1000 километров). Мы останавливались один раз на тайландском курортном острове (забыл, как он назывался). Там нас поместили в гостиницу. Это был ооновский рейс. Все были заранее предупреждены, всё было подготовлено.

Все экипажи наши были военные. И если говорить в целом об этом компании в Камбодже, то она произвела огромное впечатление на наших бывших потенциальных противников которые там участвовали. Это была демонстрация нашей авиационной мощи. В Камбодже одновременно работали от 22 до 25 наших вертолётов **Ми-17** и от двух до четырёх сверхтяжёлых **Ми-26**.

Я не помню ни одного дня, когда бы у экипажа было бы менее четырёх часов налёта. Шесть – восемь часов было ежедневной нормой. Мы летали ночью, в любую погоду. Для нас не существовало понятия нелётной погоды.

Нам поставили GPG на каждый вертолёт, а пока не поставили, наши летали по карте, штурманы вычисляли по логарифмической линейке и достигали цели ничуть не менее точно чем натовские вертолёты **Газели** и **Чинуки**.

Они вскоре прекратили почти полностью все полёты, потому что не выдержали с нами конкуренции. Они летали лишь эпизодически. Максимум каждая **Газель** сделала по пять-шесть вылетов и сломалась. А **Чинук** летал вообще очень редко. Но в непогоду и ночью они не летали вообще. А для нас пределов по погоде не было. Это производило впечатление на всех.

Наши **Ми-17** и **Ми-26** садились на любую почву. Искусство экипажей было потрясающее.

Если говорить об обеспечении боевых действий, то боевое обеспечение и тыловое обеспечение. То я на своём личном опыте и по Анголе и по Камбодже и по ДРК должен сказать, что все виды обеспечения являются наиважнейшим видом боевых действий.

Без должного обеспечения и боевого и тылового армия не боеспособна и не может выполнить свою боевую задачу никогда и ни при каких условиях. Этого почему-то наши красные командиры (генералы) не понимают и не понимали.

Но вернёмся к Камбодже. Мы обеспечивали перевозки грузов и перевозки личного состава батальонов ООН, которые обеспечивали мирный процесс, процесс выборов на точках.

Причём мы летали при любой обстановке, нас неоднократно обстреливали. Один раз мы сели в расположении пакистанского батальона и только успели спрятаться в убежищах, потому что полпотомовцы открыли миномётный огонь из 120-мм миномётов. И пакистанская артиллерия миротворцев им очень хлётко и быстро ответила без промедления из английских артиллерийских орудий калибра 140 мм (5,5 дюйма).

То есть опасностей хватало и часто дырки от пуль получали все борта. К счастью ни один борт после обстрела с земли не упал, что говорит о надёжности нашей техники и пулевых ранений ни у кого не было.

Было одно ранение, когда один экипаж столкнулся с хищно птицей защищавшей свои воздушные владения. Птица пробила на лету лобовое стекло (лобовой триплекс), к счастью хотя экипаж получил серьёзные травмы, но смог посадить вертолёт.

Отмечу особенно качество наземного обслуживания вертолётов. Наши механики, наш технический состав несмотря на высочайшие нагрузки которые испытывали и люди и техника в поле при том ужасном количестве налётов полностью справлялись с техническим обслуживанием.

Средняя температура там от +35 до +40 градусов (даже жарче, чем в ДРК). Климат в Камбодже ещё хуже, чем в бывшем Бельгийском Конго.

Есть только одна провинция в Камбодже – Балбукири (Монголкили) – она расположена относительно на плоскогорье. Зимой бывает до +14. Там жили немало европейцев. Климат для них вполне приемлемый, даже бывает холодно. Один раз мы туда привезли взвод уругвайцев, которые до этого с нами сидели в Сунтреке. А температура в Монголкили была +10. Они вышли и попадали от холода с непривычки. Для них был очень резкий климатический переход – с +40 к +10 прилететь.

Это место славится огромным изобилием ядовитых змей всех видов.

И есть предание в местном народе, которое мне рассказали старики франкоязычные – почему эта про-

винция называется Монголкири. Я не знаю, верить этому или нет, но старики говорят, что туда докатилась самая дальняя волна монгольского нашествия которая прошла через Китай. Туда дошёл отряд и там прочно осел и обратно отряд уже не вернулся.

Чем это интересно, что отряд состоял не из узкоглазых монголов или китайцев, а в основном состоял из белых бородатых людей. Предания говорят, что это были русские витязи, которые после монгольского нашествия служили у монгол. Таких отрядов тогда в монгольской армии было много, самих монголов было совсем чуть-чуть.

Скорее всего это даже не вассальные племена, а племена жившие на границе с монголами и служившие им с большим удовольствием. У монголов не было ксенофобии, не было национализма. Там любой витязь был равен другому.

Вот такое местное предание. За что купил – за то и продаю.

Сама по себе Камбоджа этнически имеет определённое разнообразие. Кхмеры тёмно-коричневые которые занимаются в основном производством риса на плантациях.

Они ограничены, замкнуты (хотя и дружелюбны) и чуть-чуть туповаты. Они с подозрением относятся ко всем иностранцам и не занимаются сбытом и обработкой сельхозпродукции.

Реализацией сельхозпродукции в Камбодже всегда занимались китайцы из Кантона (кантонского южного диалекта). Позднее появились вьетнамцы.

Кантонёны – китайцы-мореплаватели (не китайцы – консерваторы – Маньчжуры которые запрещали

мореплавание, а интернационалисты (не боюсь этого слова).

Как они действовали – они заранее в одну деревню давали кредит неограниченный на любые продукты потребления, на любой ширпотреб, на любые средства производства. На условиях, что по такой-то фиксированной цене крестьяне кхмеры будут продавать им урожай. Очень разумно и это действовало.

Камбоджа производила большое количество риса в до франко и до китайском мире. Французы уничтожили это производство риса.

Французы не стремились к этому, но они нарушили систему их своеобразных колхозов – кооперативов которая была во всей Камбодже.

Эта рисовая система – это надо смотреть уже в кампучийскую цивилизацию, интересно тем, что после того как легендарный Кам Пу основал Кампучию она быстро превратилась в империю за счёт производства риса. Они смогли создать искусственное озеро Тон ли сак которое полгода течёт в одном направлении, а полгода – в другом (против течения). Озеро километров 90 шириной.

Кампучийская цивилизация и те индуисткие вожди, а потом – императоры превратили Камбоджу в образцовое государство, подобное «Утопии» **Томаса Мора** – когда весь народ работает (что-то вроде социализма) и они построили обширнейшую в мире, уникальнейшую в мире систему каналов, искусственных водоёмов, искусственных рек и озёр которые позволяли орошать и удобрять огромное количество рисовых чеков и довели сбор урожая до четырёх раз в год.

Они обеспечивали себя, и всех соседей и за счёт этого активнейшее торговали со всеми регионами.

Правда эта система каналов и орошений сыграла с ними злую шутку когда яванский пиратский флот поднялся вверх по реке Меконг, вошёл в озеро Тон ли сак (когда вода шла против течения) и разграбили столицу Ангкорват.

Позднее Камбоджа была захвачена Сиамцами (Таиландом). И ни у кого из кампучийцев не поднялась не то что рука, но даже и палец защищать своё государство потому что они работали как проклятые поддерживая систему каменных дорог, караванов и прочего. Сиамцы вывезли всех ремесленников. А сама столица Ангкорват – огромный храм. Я много раз пролетал мимо него на вертолётах – он и сейчас впечатляет – все эти башни, все эти огромные статуи – они все было отогда покрыты шелками и самоцветами. И это великолепие сперва разграбили яванцы, а через некоторое время Камбоджа была оккупирована Сиамом, которое в это время проповедывало не агрессивный Индуизм, а Буддизм малой колесницы.

Кампучийский народ приобрёл мир, спокойствие, сон и достаток. Кампучия – это пример, как могущественная империя надорвала саму себя. Они достигли колоссальных успехов и надорвались и от грядущих скончались. И кхмеры после этого стали буддистами, а индуистские культы исчезли полностью. Они устали от своего величия. Их империя рухнула под весом собственного величия. Эта сонная усталость (она как печать) – её видно в этом народе. Кхмеры – это по жизни генетически уставший народ. Народ добрый, трудолюбивый, механический, в чём-то даже талантливый, но

уснувший, потерявший способность к изменению, который ничего не хочет от этой жизни несмотря на всё их бывшее величие. Но их можно понять – один режим **Пол Пота** и **Йенг Сари** что с ними сделал (убил три миллиона кампучийцев в 1975–1979 гг.) Фактически это народ, который не раз за свою историю переломали через колено.

В Камбодже **Пол Пот** уничтожил почти всё франкоговорящее население среди кампучийцев (кхмеров). Причём истреблял целенаправленно. Сохранился язык только среди тех, кому удалось скрыть знание французского языка даже от соседей, потому что на них доносили полпотовцам.

И с этими пожилыми людьми я пересекался и общался на французском. Очень умные люди с образованием. Они получали образование в Кампучии во французских католических колледжах и во французских школах.

Они принадлежали к зажиточному сословию чиновничества, военных. Вполне нормальные и адекватные люди.

Ту ярость с которой **Пол Пот** (сам получивший образование в Париже) на них обрушился понять очень трудно. Возможно, что французы в чём-то ущемили его, сдерживая его карьеру и он их и всех франкоязычных ненавидел за это.

Одна из частей Камбоджи раньше называлась Кохинхина. Ведь все же основные пряности куда стремились испанцы, португальцы, затем французы, англичане и голландцы шли оттуда.

Кохинхина благодаря своему уникальнейшему микроклимату она производит до сих пор лучшие пря-

ности в мире – шафран, красный и чёрный перец, ваниль. Эти пряности растут там везде, но по качеству – лучшие в Кохинхине.

Это как кофе, оно растёт везде, но лучший кофе растёт в Руанде и Бурунди и в отдельных районных северо-востока бывшего Бельгийского Конго. Этот кофе лучше, чем эфиопский кофе. Хотя конечно эфиопский кофе великолепен.

Но возвращаясь к операции ООН в Камбодже. Получилась ироничная ситуация со мной – я проработал совсем немного в столице Камбоджи городе Пномпене и меня перебросили в Сонг Трек переводчиком, координатором действий вертолётной группы с ооновцами. На этой точке состав наш колебался от двух до четырёх экипажей. Там иногда останавливался наш **Ми-26** и его экипажу там было трудно работать, потому что рулёрка там была мягковатой (и **Ми-17** и **Ми-26** взлетали самолётным взлётом). Экипаж справлялся конечно, но полосу из-за большого веса продавливали и приходилось её ремонтировать.

Приходилось работать с английским, но сперва там были французы и мне приходилось изворачиваться на французском, потом прибыл уругвайский батальон и я большую часть времени работал с английским и португальским. Часть уругвайцев говорили на португальском.

Первым заместителем командира уругвайского батальона был **Да Сильва** – фанат португальского языка. И мы наши общий язык на почве португальщины. Меня местные уругвайцы звали почему-то **Патрау** (**Патрон**) хотя я был молодой. У нас с уругвайцами сразу возникла взаимная симпатия поэтому дела шли

очень хорошо. Очевидно, что человеческие тёплые отношения были очень важны. Мы не разу уругвайцев не подвели, обеспечивали их транспортом, Их взвода и роты были распределены на самые забытые богом уголки и точки. Камбоджа при всей своей кажущейся не крупной территории Камбоджа на самом деле очень просторна и медвежьих углов там больше чем достаточно и без вертолётов там никак не обойтись.

С уругвайцами мы очень хорошо работали. Они были прекрасные солдаты и они гордились тем, что работали с нами.

На огромном советском реактивном шестимоторном **Ан-124 Руслан** их полбатальона сделал прямой перелёт из Монтевидео до Минеральных вод в России для дозаправки и через час оттуда без посадки до Пномпеня. И они рассказывали потом об этом перелёте как об величайшем приключении. Они были конечно впечатлены мощностью техники. И надо иметь в виду, что незадолго до этого в Уругвае правили генералы, был правый антисоветский режим и русских они представляли там в качестве людоедов.

А тут они увидели вполне нормальных людей, высочайший технический уровень и культура работы и обслуживания техники и мы с ними очень быстро подружились и нашли общий язык.

То есть уругвайский батальон и русские экипажи жили в Сутренге душа в душу – вместе напивались в свободное время, вместе устраивали походы по борделям.

Даже лучше чем с итальянцами которые появились там позднее. Эти макаронники сожрали там всю лапшу, напастись для них макарон и лапши было невозможно.

И поляки – транспортная рота на старых грузовиках **Стар-266**. Ездили там, где можно было проехать на грузовиках. Поляки просто ужирались в доску.

Когда я путешествовал между гостиницей и аэродромом 12 километров на велосипеде для тренировки. И когда появлялся на горизонте **Стар** – я сразу сруливал с дороги. Ни разу трезвым я ни офицера – поляка, ни солдата – поляка я там не видел.

Присказка в Европе «пьёт как поляк» – мы далеки до них в смысле выпивки.

Но поляки хотя конечно были русофобы, но было с ними с польскими военными работать, потому что лихие парни, гусарский налёт на них. Когда польский полковник и ямайским полковником после шашлыков с выпивкой устроили дуэль на шампурах – это надо было видеть!

Но возвращаясь к урагвайцам. Мне запомнилась операция когда мы сбросили с вертолёта взвод уругвайского спецназа в джунгли на слоновью тропу.

Там с помощью слонов кампучийцы добывали древесину. Слонов там много в диком и полудиком состоянии. Все – индийской породы.

То есть кхмеры в течении года или полутора эксплуатируют стадо слонов а потом на год – полтора снова отпускают их в джунгли чтобы те пришли в себя после тяжёлой работы и дали потомство.

И было видно, что этот взвод спецназа был приведён в моральные лохмотья, в лоскуты после двухнедельного пребывания на слоновьей тропе в лесу. Они нам потом столько ужасов порассказали! Мы им периодически сбрасывали консервы и обеспечение но не приземлялись потому что взвод мог просто ринуться на

вертолёт и перевернуть его, потому что все они хотели удрать из джунглей.

Их туда сбросили для тренировки, а не для того чтобы следить за выборами или пресечь контрабанду, которая там считается законный нормальным видом деятельности.

Самое смешное, что они шли по слоновьим тропам. Там в джунглях других троп нет и только слон способен протоптаться через джунгли.

(Кстати отсутствие африканских слонов в бывшем Бельгийском Конго приводит к тому что сельва там стала вымирать, некому прореживать лес).

А слоны пробираясь по тропе могут след оставлять глубиной в полметра и большое и какает туда же. И несколько раз уругвайские солдаты проваливались в эти слоновьи дыры с дерьмом. Это их глубоко шокировало и когда мы через две недели прилетели то их офицеры (три человека – два лейтенанта и один старший лейтенант на взвод в 32 человека) не могли контролировать. И они попытались бросится на это вертолёт. И офицеры отгоняли их пинками, вытащили пистолеты, но в воздух стрелять не стали. Португальцы всё-таки успокоились, но видно было, что нервы у них на пределе.

Рядом присутствовал деревенский вождь **Соба** (мы им тоже выброси консервы и толпа уругвайских военных бросилась эти консервы разгрести и офицеры уже ничего не могли сделать) и вождь только стоял и говорил по-французски «так не делается! Так нельзя делать!». Но он понимал в каком состоянии люди находятся. Для них – для местных охотников это привычно ходить в лес, добывать древесину и смолу из леса.

В общем когда мы вывезли этот португальский взвод двумя рейсами, люди были просто в лохмотьях. Оторвались они потом по полной!

Но тем не менее уругвайское командование было удовлетворено – они специально направили взвод спецназа (назывался «Белые гориллы») в район куда не нужно было отправлять, но они хотели дать им тренировку приближенную к боевым. Спецназ принадлежал к ВВС Уругвая, но не к десанту. То есть воздушно перевозимый, аэротранспортабельный батальон (то есть спецназ без парашютной подготовки). Вот такая была история.

Уругвайцы использовали грузовики и джипы – бразильские **Энжеза**. Этого хватало, потому что далеко там никуда не уедешь, все дороги были в жестоком состоянии после войны. Джипы **Энжеза** – очень хорошая вещь, чем-то похож на **Фольксваген**.

В Сонг Треке была медицинская индийская рота. Исключительно качества, великолепная тропическая медицина. Все транспортные средства – только индийского производства, всё оборудование – индийское, все лекарства только индийского производства, то есть они были в хорошем смысле индийские националисты.

И каста индийских офицеров – это настоящая каста (третья после кшатриев и брахманов по положению). У них был сам госпиталь и плюс его военное обеспечение и база хранения в виде уругвайского батальона.

У индусов строгое понятие флага, дисциплина. Чистая и опрятная форма. Очень дисциплинированная и привлекательная на вид армия.

Я конечно не знаю как они действуют в реальных боевых действиях, но что касается медицинского обе-

спечения, то оно было очень хорошим. Они обеспечили весь контингент ООН в Камбодже и лечили местное население бесплатно.

Я заработал там страшный грибок он распространился (высыпал) на половину тела, а они меня вылечили двумя инъекциями. Через неделю не осталось даже и следа. Сделали одну инъекцию и на следующий день другую и всё!

А что касается малярии и прочих тропических «чудес» то их лечили очень быстро и хорошо. Делали и операции самые сложные. Кому-то оторванный палец пришили.

А подорвавшихся на минах там было очень много среди местного населения и они делали ампутации.

Индийская армия была удивительна тем, что офицеры различных верований различных течений индуизма носили различную военную форму. Знаки различия были те же, а цвет головных уборов был разный. Одни военные которые придерживались буддизма (их было меньшинство) – у них была одна диета, у индуистов – другая. Они различно питались, хотя и в общей столовой и мирно друг с другом уживались. Преобладала дисциплина на основе кастовости и это спасало от религиозных трений.

У пакистанцев всё было гораздо жёстче – только ислам и исламизм Дисциплина была хорошая это тоже было видно в пакистанском батальоне. Но ничего не исламского они у себя не допускали. Причём шариат, строгое следование исламским законам было лишь для рядового и сержантского состава. А пакистанские офицеры резвились вовсю, резвились по полной программе – бордели, выпивка. И оргия была не редкость.

Но вернёмся к кампучийцам. Потомков кантонских китайцев одно время вытеснили вьетнамцы после того как они освободили Кампучию от **Пол Пота**. Причём вьетнамцы целенаправленно выдавливали из Кампучии вьетнамцев но потом они нашли общий язык и разделили сферы влияния и продолжают эксплуатировать и территорию и кампучийцев. И кампучийцы были этому только рады.

Кампучия по наличию золота, серебра, алмазов, цветных металлов, ценных пород дерева, каучуковых плантаций, пальмового масла, по климатическим и природным условиям – это уменьшенная копия Бельгийского Конго.

Но в чём разница – ооновская компания никакой пользы экономической для ДРК не принесла. То есть конголезцы всё раздеребанили и всё прожрали хотя туда были влиты миллиарды долларов.

Когда я приехал в 1992 году в Пномпень я вошёл в город-призрак. Это были руины но уже через шесть месяцев в 1993 году это был город белых вилл, небоскрёбов и автомобильных пробок. Каждую копейку, которую ооовцы там потратили на месте кампучийцы использовали для собственного развития.

Деревни были нищие, а когда я уезжал в деревнях на колхозных началах были ручные минитракторы для обработки полей. Были уже не велосипеды а мотоциклы с прицепами для перевозки сельхозпродукции на рынок, лодочные моторы, а не плоты для доставки грузов по рекам (а в Кампучии по реке можно до любой важной точки на реке добраться).

В Кампучии просто гигантский объём речных перевозок. Но в ДРК несмотря на гигантскую речную

сеть там столько флота не увидишь. В Кампучии иногда сверху с вертолѐта реки не видно – так вся водная поверхность забита лодками. Народ оборотистый.оборот средств, оборот капитала, оборот сельхозпродукции. Быстрее, качественнее и больше. И как они строят! При мне 9-ти этажная гостиница была построена ровно за 12 дней (монолитный железобетон), (опалубка из дерева) строили все сутки напролѐт непрерывная вереница сотен и сотен людей которые без лифта вверх-вниз бегают таскают мешки с цементом, кирпичи, Какая дисциплина! Какая организация работ!

Это производило впечатление чуда и я очень уважал кампучийцев. И как миссия ООН благотворно сказалась на самой Кампучии! Кхмеры всё пустили в дело, ничего не проели. Там совершенно либеральны законы, можно спокойно продавать платину, золото и серебро и драгоценные камни. Но всё работало не на потребление, а на снабжение ооновского контингента максимально своими продуктами. Мы там практически ничего импортного не покупали.

Но с другой стороны кампучийцы приобщились к потреблению, к вкусам европейцев. Сгущѐнку например стали употреблять. Стали покупать много телевизоров, много мотоциклов, много минитракторов, мини пошивочных фабрик, мини заводов по производству кирпичей. Стали собирать мотоциклы, делать собственные ткани. Их оборотистость и предприимчивость просто поражала. Всё золото, которое они добывали – ни одного золотника не ушло за границу без того, чтобы не купить что-нибудь необходимое для производства. Именно не на потребление, а на производство.

И как я уже говорил мы закончили по возвращении институт и дальше я служил с 1993 г в «десятке» до 1998 г. когда уволился из армии в звании майора в связи с окончанием действия срока контракта. Дальше я работал в Промэкспорте (потом его слили с Рособорозспортом). А с 2001 г. работаю в Африке в бывшем Бельгийском Конго (ДРК).

Леса там пустые, действительно всю живность местное население перебило. Нет антилоп, осталось очень мало кабанов, нет крупных антилоп, остались антилопы размером с кошку.

Выжили лишь крупные обезьяны (частично) полушищные, которые стали охотится на всех в том числе и на чёрных. Например если стадо павианов увидит негра в лесу она его растерзает. Стадо шимпанзе – так называемые бо-бо перебиты, Перебили всех мартышек. Добивают остатки популяции всех некрупных видов.

Есть обезьяний рынок в 20 километрах от столицы – там тысячами ежедневно свозят убитых обезьян всех видов. Их африканцы вялят с солью на солнце и потом вместе с пальмовым маслом поедают. Страшное зрелище эти черепа и кисти рук! Там в ДРК у более-менее проезжих дорог стоят десятки частных кухонь и там готовят и можно в любом месте остановиться и поесть. Но надо внимательно выбирать, чтобы вместо куска антилопы с рисом и фасолью (пунду), главное не нарваться на обезьяну.

Даже бегемоты поменяли свои повадки и в отличие от национальных парков Танзании или Кении они стали исключительно агрессивными исключительно осторожными, их там осталось очень мало, но те кто выжили начали целенаправленно нападать на негров

и не только на лодки с неграми, но и выходят на землю убивать того африканца, которого могут найти.

Теперь для местного бегемота любой двуногий – враг, неважно, чёрный или белый, а бегемот быстро и далеко бежит по суше и от него не убежишь, он догонит.

Для чёрных теперь бегемот хищник свирепей крокодила. Потому что от крокодила в отличие от бегемота можно хоть по суши убежать.

Если бегемот увидел негра – он попытается довести дело до конца, как носорог.

То есть там популяция гиппопотамов которая выжила – у неё полностью сменился стереотип поведения.

Там если змею успели заметить негры – она уже не выживет. Её палкой по хребту, чтобы обездвижить и потом палкой по голове. Потом её съедят...

◆ **Вы рассказывали, что ФЛЕК находится в состоянии как бы временной консервации?**

В состоянии деревенской консервации. Все считают, что это движение может выстрелить в любой момент если получит приказ.

В общем что касается сепаратисткой ангольской группировки **ФЛЕК**, то я должен сказать, что я этим специально не занимался, я занимался исключительно торгово-коммерческими, деловыми вопросами на той территории, где **ФЛЕК** встречается.

Моя информация обусловлена только тем, с чем я непосредственно столкнулся на местности и не более того.

Как так получилось, что я столкнулся с таким явление как **ФЛЕК**. Только потому что я занимался проблемами добычи золота в Большой Конго (Байше конго) которое граничит с ангольской Кабиндой а так же проблемой скупки и закупки пальмового масла в этой провинции. Этими вопросами я занимался на всей территории ДРК, но в том числе и там.

Почему пришлось с эти столкнуться – сами конголезцы из Байше Конго как бы они себя не называли, сколько бы там не было различных названий племён, все они – Киконго. От Атлантики до реки Касаи свыше тысячи километров живут Киконго или зона их влияния.

И они резко отличаются от остальных конголезцев тем что они сами себя считают солью земли, великолепными управленцами и религиозными деятелями, продвинутыми идеологами, которые как правило после получения европейского образования не сходят сума и не превращаются в нечто неуправляемое (в отличие от катангистов например).

Сами себя Киконго называют Афинами Африки. Не знаю, откуда они узнали само слово Афины и о культурном значении Древней Греции. Сама местная греческая диаспора открещивается – дескать не мы их научили этому слову. Но они себя считают Афинянами, Афинами Африки.

Я ничего афинистого у них не заметил кроме того, что они мавзолеи своих умерших строят по стилю отдалённо напоминающие наши среднеазиатские но конечно менее продвинутые.

Занимаются земледелием, разведением скота и более 500 лет уже находятся в контакте с европейцами,

а до европейцев свыше тысячи лет находились в контакте с персами, арабами, индусами, которые караванными путями доходили через всю Африку до них.

Они (киконго) активнейшим образом стимулировали работорговлю. Ведь и арабы и белые занимались работорговлей не потому что они такие злые и охотились на рабов но а потому что сами чёрные отлавливали негров из других племён и продавали их.

Киконго – это один из народов, которые обеспечивали сбыт (поставку рабов на рынок).

Фактически можно сказать, что киконго являются одними из виновников создания мировой работорговли чёрными рабами. Они обеспечивали спрос. То есть они поставляли для рынка продукт – рабов и удовлетворяли на них спрос.

Не надо валить всё на белых плантаторов в Южной и Северной Америке. То есть белые плантаторы покупали чёрных потому, что чёрные их сами отлавливали и продавали.

Сами понимаете что и военных ни экономических возможностей охотится за рабами и белых не было никогда. И в этом смысле киконго народ всегда был продвинутый, с коммерческой смекалкой. Народ более развитый, чем теперь владеющие ДРК катангисты (клан Кабилы и прочих).

Конечно они более развитые чем касаены у которых руки заточены только под моторную свершено не изобретательную работу. Их легко использовать в горной промышленности в качестве рабочей силы и только.

Пришлось столкнуться с упоминанием ФЛЕК потому, что в районе Муланды, Маламы и Бомы столкнулся с

большим количеством конголезцев которые разговаривают на португальском языке. А так как мы разрабатывали проект для скупки пальмового масла не только в пищевых целях, но и для производства биодизелей мы естественно вошли в контакт с конголезцами которые занимаются контрабандной торговлей горючего и дизелей поставляемых из Анголы.

Дело в том, что в Анголе можно покупать и поставлять в ДРК низкокачественное горючее в бочках. А в бывшем Бельгийском Конго это невозможно потому что всё производство горючего монополизировано французами и американцами. А из Кабинды горючее на деревянных баркасах перевозят контрабандой. И фактически все ДРК живёт на этом низкокачественном бензине и дизельном топливе потому что большинство конголезцев не имеют возможности заправляться французским горючим СЕК (франко-конголезское государственное предприятие).

В Кабинде добывают лёгкую нефть и лишь слегка очищают. Поэтому состояние грузового автотранспорта в ДРК находится просто в ужасающем положении и любой предприниматель имеющий свой новый транспорт и имеющий возможность покупать высококачественное горючее и солярку становится быстро миллионером потому что он соединяет рынки сбыта с рынком скупки и продажи местной сельскохозяйственной продукции (например с 12-миллионной Киншасы) с 10-миллионным Баконго и провинцией Бандуду и вывозить в провинции соль и ширпотреб.

Баконго производит сельскохозяйственные продукты и кормит горнодобывающие районы Икикапо Касаи, Киншасу и так далее.

Сейчас очень выгодно сбывать местную сельхоз-продукцию на внутреннем рынке.

Там ходят в основном доллары США, Евро Евросоюза. Доллары ходят параллельно с местным франком и ходит франк центрально африканских государств (французский африканский франк)

Но вернёмся к **ФЛЕКУ**. Именно за счёт поисков источников пальмового масла именно в провинции Баконго для возможного производства горючего (биодизеля) мы вошли в контакт с контрабандистами ангольского горючего. И там часто звучали слова **ФЛЕК**. В том или ином контакте они с ним находятся.

И что интересно – никакого терроризма и никакого страха перед **ФЛЕКом** там не наблюдается. Никто ему не платит дань. Киконго считают их своими соплеменниками. Все киконго говорят практически на одном языке

Они очень возмущены, что ими правят из Киншасы кочевники и варвары из Катанги – **Кабила** и прочие или как они их именуют «паразиты», которые сами ничего не умеют делать, только ставят патрули на дорогах для сбора дани. Что часто выливается в погромы, когда население освобождало города от полиции на неделю. Выгоняли полицию, военных, дорожную и речную полицию, внутреннюю таможню. И хотя город оставался пустым Никаких грабежей не было ничего. Было стихийное самоуправление.

Приезжал один без охраны министр полиции, угоняли, оптом бригаде позволяли вернуться в казармы (где ничего не было разграблено).

А там наказание для любого вора стандартное – в рост автопокрышки, облить бензином и поджечь и спу-

стить с горы. То есть вор счастлив, если он успеваает добежать до полиции. Такие там порядки.

Что касается **ФЛЕКа**. Они особо оседали контрабанду горючего, за счёт чего живёт весь бывший Бельгийский Конго (даже на север на велосипедах и на пиорогах завозят горючее).

Второе – скупка пальмового масла, какао и кофе, маниоки, кунду и добыча золото в баконго на границе с Кабиндой и отправка всего этого контрабандой в Киншасу.

Идеологическое обоснование **ФЛЕК**.

Я заметил, что все они тяготеют к кинбангизму. Сами баконго были конечно долго воспитаны католическими священниками и их значительнейшая часть является католиками, но так же и значительная часть из них являются приверженцами церкви **Симона Кимбанго** (фактически – тоталитарная церковь).

Чем эта церковь интересна – она считает **Симона Кимбанго** вторым происшествием Христа на землю и третьего пришествия не будет. Дескать **Симон Кимбанго** – второй **Христос**.

Церковь идеологически исключительно хорошо организована. Сами чёрные, по моему мнению, не способны додуматься до такой изощрённой гебельсовщины. И здесь очевидно использование каких-то внешних ресурсов.

Сама церковь имеет острую национально-социалистическую направленность. Люди организованы по образцу колхозов и совхозов, они фанатично преданы труду и этот фанатизм поддерживается пропагандой и военной дисциплиной. Буквально до ходьбы строем и до военных парадов без оружия.

Лидер, вождь – сын **Кимбанго** – непререкаемый авторитет ему салют отдаётся на коленях и целуется рука. Он имеет реальную духовную и светскую власть.

Я видел дом, где родился **Симон Кимбангу**, виллу, где он жил, и дом где живёт его сын. Имеется, конечно, конкуренция с католической церковью, но они между собой не воюют. Возможно потому, что у кимбангистов националистическая направленность и католические священники баконго им симпатизируют. Напряжения не видно, просто каждый обдирает свою паству как хочет.

И на базе как идеологии **Симона Кимбанго** и на базе деревенской зажиточной жизни (там нет голода как на севере в Касае несмотря на изумительнейшую природу) там (на юге ДРК) находится идеальная база для **ФЛЕКА** и с точки зрения как организационной и с точки зрения экономической.

ФЛЕК считают что они должны править в Кабинде, а не племена из Анголы. Никакого напряжения от **ФЛЕКА** не видно за исключением того что на моей памяти ангольцы один раз вторглись и дошли до Челы преследуя **ФЛЕК** (а точнее добытчиков, леса и золота и нефти на территории Кабинды).

Что касается запасов технических и ювелирных алмазов в ДРК, то их выгребли буквально на моих глазах. Если раньше, можно было ковшом экскаватора зачерпнуть песок на берегу реки и потом просеять и найти алмаз, то теперь нет. Самодельные шахты были до 30 метров глубиной и верхние слои почвы истощены. Теперь нужна планомерная разработка – речными драгами к примеру. И малая и средняя механизация. Большие карьеры там не нужны.

Интересно, что цена, за которую платят добытчикам, составляет не менее 80% от мировой цены на алмазы.

Всё истощено хищническим ручным добыванием, так как в 1982 г. **Мобуту** либерализовал добычу алмазов и золота. Но золото выбрасывали. При мне африканец промывает песок, нашёл с ноготь чешуйчатого золота и выбрасывает в отвал, потому что цена одного карата алмаза (0,2 грамма) равнялась приблизительно цене 15 грамм золота. С нашими геологами, которые это видели, чуть плохо не стало. Они просто пришли в транс. Но сейчас мировые цены на золото сильно поднялись и его стали активно добывать.

Но выгодно там работать лишь используя небольшие и средненькие фабрики, со своей техникой и со своим транспортом и со своими механиками и техниками. На хорошем топливе с контролем за качеством горючего, иначе негр ухайдакает новый грузовик за три месяца.

Старые грузовики западногерманского производства 50-х 60-х годов **Магирус, МАН, Мерседес** ещё десять лет назад были на ходу, но теперь полностью пришли в негодность.

Вольво не пошли – очень чувствительная гидравлическая система и не выдерживает местного климата.

А закупать новые немецкие грузовики они не могут поскольку все деньги они проедают на жён и свои многочисленные семьи. К ним (у чёрных) нет капиталообразования. Так во всех провинциях и Киконго не исключение.

По поводу вооружений в стране. Оно почти всё китайское, крайне некачественное. Нашего лёгкого

оружия там практически нет. Обычно при заключении контрактов с зарубежными фирмами в виде взяток бесплатно поставляют закупаемое для ДРК оружие. Так Китай недавно им поставил БТРов и грузовиков **Джефан** и военной дорожной техники очень большое количество, но практически вся техника через год пришла в негодность, и образовалось огромное кладбище металлолома.

Китайское оружие – это не оружие, это лишь внешняя имитация советского оружия. И видели бы вы, до какого состояния конголезец может довести автомат **Калашникова**? У него нет приклада, прицела, нет цевья – только рожок и затвор. Как с таким оружием можно ходить?

Правда в 2010 году Украина продала ДРК старые советские танки **Т-72** и **Т-55**. Выдерживают и старые советские (не китайские) артиллерийские орудия, произведённые из легированной стали.

Армия на подножном корму – солдаты, как и полицейские, облагают данью деревни чтобы за свой счёт купить форму, обмундирование и еду, и оружие, и патроны. И делятся с начальством за право кормления на данной территории, потому что положенное жалование до них не доходит – «исчезает по дороге»...

◆ **Может ли ДРК распасться?**

Свободно, если только внешние силы пожелают.

◆ **На сколько частей?**

– Ну, нужно выделить обе Касаи как одну полноценную часть, баконго вместе с бантунду – вторая

часть, третья – катанга, а что касается экваториальной части ДРК и её восточной высокогорной части – так столько разных племён, что трудно сказать, что там может получиться при распаде. Там может быть постоянным Южным Суданом.

Но в общем, ДРК может распасться как минимум на четыре части, из них полноценных стран могут быть три.

Что касается наших самолётов, то они появились там в 1992 году. Работают в основном отставные советские военные лётчики. Например, экипажи **Ан-2**. Летают по одному пилоту вместо двух и без механика. Старые дядьки им за 50 лет каждому. Очень компетентные. Белорусы, украинцы, прибалтийцы (русские прибалтийцы), русские. Механики тоже наши.

Там все экипажи сборные – из разных стран бывшего СССР. Они все друг друга знают, и советский дух, советское братство осталось.

Они в день делают по два-три вылета и хорошо выглядят, потому что есть постоянная живая работа.

Использовались **Ан-12**, **Ан-26**, **Ан-32** и **Ан-28**. Так же **Ил-18** и **Ил-76**. **Ан-124 Руслан** перестал использоваться – улетел.

Ан-32 оказался исключительно хорошим самолётом. При одних габаритах с **Ан-26** он берёт 8,5 тонн вместо 5,5 тонн, но без запчастей перестали использовать. Использовались и чехословацкие **Элки Л-410**.

Я видел один американский **ДС-3**, времён Второй мировой, но сейчас он уже не летает.

Сейчас остались **Ан-24** и его грузовой вариант **Ан-26**. **Ан-28** исчезли все. **Ан-12** осталось очень мало, потому что не все аэродромы их могут принимать, он большой. **Ил-18** исчез. **Ан-2** (в Касае) из шести оста-

лось два борта, потому что алмазный бум прошёл, и меньше стало грузопотока.

Но перспектива в ДРК – за старыми **Ан-2**, причём перспектива исключительно велика. Идеален и по стоимости и по обслуживанию. Удобно обслуживать золотые прииски, связывая их с провинциальными центрами на расстоянии в 200–300 километров.

Это очень перспективно, потому что конкуренции со стороны других самолётов нет, а потребности в быстрых и дешёвых перевозках – большие.

Вертолёты летают наши **Ми-17**. Но летаю только ооноуцы, потому что они много жрут горючего.

Местные военные лётчики перестали летать, потому что всю свою технику практически угробили.

Я могу назвать их все вооружённые силы отсутствующими.

ТОЧИГИН

Михаил Юрьевич

Подполковник

Я – преподаватель в звании подполковника. 25 лет служу в Вооружённых силах. С 1996 г. прохожу службу в Военном университете.

Закончил Ленинградское высшее военно-политическое училище по специальности политработник, или офицер стреляющий (ПВО) называется. Был предназначен для работы заместителем командира роты ракетного дивизиона как офицер наведения и параллельно должен был проводить политическую работу среди военнослужащих.

Училище было многоотраслевое. Оно готовило кадры для ВВС и, частично, для противовоздушной обороны и воздушной обороны сухопутных войск. Меня готовили для наземных комплексов **С-125** (сейчас их уже нет на вооружении), **С-200** (в резерве), **С-300**, **С-400** (на вооружении с недавних пор).

Я бы не сказал, что глубоко готовили нас – общее ознакомление. Я считаю, что подготовка в то время была недостаточна (именно, как стреляющего офицера), кроме того, мы готовились как политработники для ВВС.

Были такие авиачасти войск ПВО – истребители-перехватчики **МиГ-25**¹¹, **МиГ-31**, их ещё училище в Кургане готовило: не летать лётчиком, а работать в воздухе с бортовыми системами (оператором бортовых систем)¹².

Потом готовили ещё для противоракетной обороны и противокосмической, т.е. эти комплексы **С-300** предназначались для борьбы с крылатыми ракетами и ракетами с отделяющимися головными частями – стратегическими ракетами США и их союзников. Это было очень актуально. Этот комплекс был более эффективен, чем американский комплекс «**Патриот**», поэтому это была гордость страны. Он сейчас модернизирован и продаётся в некоторые страны в упрощённом варианте. Единственный минус – элементная база была крайне отсталая и **С-300** по надёжности уступал «**Патриоту**», потому что элементная база была 1960-х годов – максимум 1970-х.

А американцы всё покупали у японцев и там всё на высшем уровне. Но наши были эффективнее. Например, мы могли вести одновременно 12 целей, они – только 2. Они уничтожали воздушную цель четырьмя ракетами, мы – двумя, т.е. эффективность была 98% уничтожения. Это было раньше. Это был 1986 год.

Сейчас всё изменилось. Думаю, что мы намного ушли вперед, и элементная база ушла вперед. Государство приложило максимум усилий, чтобы догнать

¹¹ **МиГ-25** ныне состоит в резерве ВВС России и ограниченно используется в качестве самолёта-разведчика. (Прим. ред.-сост.)

¹² Для этих целей у перехватчика **МиГ-31** сделана двухместная кабина.

западных «партнёров», потому что отставание было очень серьёзное. При наличии «железного занавеса» ничего не могли сделать с улучшением элементной базы, это моё мнение.

Я приехал после окончания училища в 10-й научно-исследовательский учебный центр (это в Казахстане, но он был московского подчинения). Станция Сарышаган – это восточный Казахстан, озеро Балхаш. Я был очень удивлён, когда меня, отличника, туда отправили. Там, по историческим данным, **Чингисхан** коней не поил, а проживали там 50 лучших, умнейших офицеров нашей армии, которые пользовались этой (местной) водой. Через четыре года использования трубы, которые подводили воду к домам, проедались, а мы эту воду пили. То есть очищение было недостаточным... На здоровье сейчас всё это начинает сказываться.

Было удивительно, что двоечники и прогульщики поехали (по тем временам) в престижные места – Германию (Германскую Демократическую Республику), Заполярье (потому что год за два и огромный оклад). Туда, куда я просился, меня не пустили. Но Сарышаган – это было самое интересное место. Это научное объединение, где проводились испытания последних новейших научных разработок техники войск ПВО, противоракетной, противокосмической обороны.

Я обеспечивал испытательные работы, хоть у меня и нет инженерного образования, но там было огромное количество выпускников инженерных вузов, особенно ленинградских («Можайка» и другие) – умнейших людей. Там проводилась доработка **С-300** в экспортный вариант и там находится то место, которое сдал **Пень-**

ковский¹³ американцам. Я видел ракетные шахты, которые **Пеньковский** сдал. Они были законсервированы (залиты бетоном).

Я узнал, что наша противокосмическая техника была намного эффективнее, чем американская (это и моё личное мнение). Например, если американцы видели объект как точку в космосе, то наша система видела очертания спутника¹⁴. Очень жаль, что после распада СССР всё это было брошено и растащено местным казахским населением на металлолом: варварским способом разбили всё, что там было. Им это было не интересно.

◆ Когда вас перевели оттуда?

После распада СССР, в 1993 году. Я оттуда уехал, потому что непонятно было, кому это всё нужно. Кому-то нужно было эту станцию слежения за спутниками на баланс передать, но некому было её «кормить». Предложили передать казахской армии. Но тогда надо было принимать казахскую присягу. Я искал возможность уехать в Российскую Федерацию и продолжать служить в Российской армии.

В 1992 г. мне подвернулась возможность поступить в наш Военный университет на юридический факультет. Там было отделение для офицеров-юристов. Мне пришёл вызов. Но в июне 1992 г., перед самым отъ-

¹³ Полковник ГРУ СССР, расстрелянный в 1963 г. за шпионаж в пользу Великобритании и США. (Прим. ред.-сост.)

¹⁴ Ныне российская станция слежения за спутниками находится в Нураке в высокогорном Таджикистане и ещё одна станция строится на Урале. (Прим. ред.-сост.)

ездом, 20 солдат из моей роты (я был заместителем командира роты), захватив с собой **КАМАЗ**, бежали (через весь Ка-

захстан) в Грузию (они были грузины). Тогда это было очень популярно: таджики бежали в таджикскую армию, грузины в грузинскую и т.д.

А так как я был замкомандира роты и отвечал за это, то, естественно, поступление моё на юридический факультет сорвалось. Уже тогда всё там (в военном городке) разваливалось. Произошла замена: если раньше военнослужащие обеспечивали город, то теперь...

Вы видели фотографии города после боёв? Город Приозёрск, в котором мы жили, представлял же такие руины, как в Сталинграде. Не было снабжения, водозабора и т.д., не было денег – солдат убрали, а местное казахское население было неквалифицировано. Поэтому водная система стояла замороженная, город остался без воды, без света. Кроме того, казахи не селились в опустевших домах, которые мы освободили, а выносили рамы, двери и пр.

Там проживали немцы, русские, украинцы и казахи.

Мне было странно, но лучше всех жили немцы, русские, украинцы, а казахи жили очень плохо.

Неожиданно всколыхнулся национализм казахский.

Это было удивительно и неожиданно. Они требовали от меня конкретно: когда вы уйдёте – отдайте нам ваше жильё, вашу работу, мы хотим жить в ваших домах... Причём, агрессивность такая... Постоянно были нападения на офицерские семьи и офицеров со стороны молодёжи.

Очень неприятный осадок остался. То же было в Алма-Ате: травили русских, заставляли их за бесценок продавать квартиры и уезжать. А придя к власти, они не смогли обеспечить эффективного управления...

Я добивался отъезда. Я был старшим лейтенантом, были отправлены документы на капитана, они «гуляли» где-то полгода. В итоге я обратился с заявлением на поступление в Военный институт физкультуры в Санкт-Петербурге (я в прошлом пловец) и, слава Богу, поступил.

Конечно, там не очень интересно было, но мне нужно было решить проблему моего проживания в России.

Нагрузка была большая. И на меня начали валиться болезни, которые я заработал в Казахстане. Там же проводились ядерные испытания – повышенный фон. Потом, там очень сухой климат, дегидратация¹⁵. У меня был вес 90 кг, когда я уехал туда, а приехал я в Санкт-Петербург и весил 67 кг. Это результат 5 лет службы в Казахстане.

А за службу в трудных условиях нам теперь уже не платят дополнительно.

Учиться мне понравилось, но... 1993–1996 гг. – это развал страны, армии; зарплату военным не платили по полгода, бедные офицеры выкручивались, кто как мог.

Вплоть до того, что ездили покупать и продавать – колбасой торговали, подрабатывали в охране, «бомбили»¹⁶, мы ездили продавать водку, сигареты,

¹⁵ Обезвоживание организма.

¹⁶ Занимались частным извозом на автомобилях.

пиво в Финляндию, даже в Германию один раз заехали. Это, конечно, на грани криминала, но надо было как-то выживать.

В общем, отучился я с большим удовольствием. Это было второе высшее образование, я получил специальность преподавателя-инструктора по плаванию, преподавателя физической подготовки и спорта в высшем учебном заведении. По окончании был направлен в Москву, в Военный институт Министерства обороны.

Это была Военно-политическая академия, она потом была Академия финансов и экономики, её объединили с Военным институтом иностранных языков и Военно-политической академией.

Приехал я в 1996 г., это уже называлось Военным университетом. Там я встретил много хороших, интересных людей. Например, **Игоря Ждаркина** я там встретил – своего хорошего друга, который заинтересовал меня иностранным языком и предложил работу в миротворческих силах ООН. Начал со мной заниматься английским языком, чтобы я сдал экзамен; я закончил курсы военных наблюдателей ООН и поехал с ним. Курсы в Солнечногорске, двухмесячные. Я языка не знал совсем, но **Игорь** со мной позанимался. Потом я окончил 4-месячные курсы при университете и самостоятельно занимался. Наше командование не одобряло мои желания. Доблестный начальник кафедры 7 лет не пускал меня на эти курсы.

Потом я пытался съездить в Канаду, в командировку, чтобы там поучить английский, меня опять не пустили, мотивируя тем, что я хочу «Родину покинуть». А ведь это были уже 1990-е годы... Мне была эта мотивация удивительна и непонятна: зачем мне эмигрировать,

когда я хочу получить интересную специальность? На кафедре я выслужил максимальное звание – подполковника, никаких перспектив не было, а я нашёл сам себе перспективу – работник ООН, – хотел закончить курсы и работать, но 7 лет этому препятствовали, в частности, не пустили меня в Канаду.

В конце концов я закончил курсы в Солнечногорске¹⁷ успешно. Курсы очень хорошие, эффективные, потому что приходится работать с языком 15 часов в сутки, очень много запоминать. Преподавание, общение – только на английском и, к тому же, учимся с иностранцами. Иностранцы, кстати, тоже очень хвалят эти курсы, потому что там упор делается на практическую часть, и преподают те, кто недавно был в миссии ООН.

Был у нас там подполковник **Шпак**, очень известный, который во многих миротворческих операциях побывал. Он меня хвалил, говорил, что я – физкультурник, без знания языка, освоил курс лучше, чем переводчики, которые не ходили, ленились. Я фактически поднялся до уровня выполнения обязанностей военного наблюдателя в миссии.

Но, конечно, в плане практики, я считаю мало-мало, но и то, что даётся, иностранцам очень нравится, потому что в игровой форме рассказывают основные ситуации при выполнении задач: это и минные поля, и попытки грабежа, и угоны машин в условиях, когда наблюдатель ООН не может не только иметь оружия, а вообще никак сопротивляться. У них статус такой, на

¹⁷ В 2009 г. данные курсы были закрыты и перепрофилированы в военный полигон.

основании этого они и допускаются в зоны конфликта для контроля соглашения между конфликтующими сторонами. Работа интересная.

Конечно, есть свои плюсы и минусы. Например, не было компьютера и Интернета на курсах, что вызывало удивление иностранцев. Но они учились у нас, мы учились у них. Мы у них многому научились: и языку, и произношению, старались понять их менталитет. Там были шведы и англичане. Шведы более близки нам.

Мне на курсах понравилось. Это были первые курсы, на которых я работал по 15 часов в сутки. Я был доволен результатом. Плоды терпения и усилий были сладки.

Я хорошо закончил и получил направление на работу в миссию в качестве военного наблюдателя от нашей страны, великой страны, которую все уважают. Конечно, несколько упало уважение в период распада, но сейчас опять вернулось. Потому что у нас сильный президент, и политика сильная.

Растёт экономический статус страны, и интерес растёт к России. К нам, как к русским, в миссии ООН самое пристальное внимание, следят за нами и прислушиваются. Прибывая в миссию, ты получаешь ещё ряд общественных нагрузок, например, отвечаешь за оперативную работу, сбор информации, гигиену... Плюс погрузка–разгрузка вертолётов, – мы должны полностью себя обслуживать: покупать продукты, готовить.

Покупается всё на местных рынках на собственные деньги, которые нам платят. Единственная страна, которая не доплачивает, а удерживает – это Российская Федерация. Все страны платят 2–3 месячных оклада и оплачивают командировочные – 100 евро в день, у нас

же только голые ооновские деньги, т.е. у европейцев получается 5–10 тыс. евро, а у нас – 1500 долларов в месяц (приблизительно 1100 евро). Это очень небольшие деньги.

Даже Малайзия, Хорватия платят до 10 тыс. евро.

И они все удивляются, почему большая сильная богатая страна так мало ценит своих наблюдателей ООН, что даже форму приходится покупать за свои деньги. Питаемся и едем в отпуск тоже за свои. Поэтому скопить денег в Западной Сахаре невозможно: надо же семью кормить.

И работать в Западной Сахаре не выгодно, туда люди не стремятся, хотя это хорошая миссия в качестве учебной, там достаточно спокойно.

Там с 1991 г.¹⁸ спокойно, это классическая миссия, правильно построенная, в которой уже проживают военные наблюдатели, правильно организовано снабжение.

Всё чисто, спокойно. И обязанности выполняешь так, как написано в учебнике. Конечно, с английским там плохо – 90% офицеров ООН не англоговорящие, приезжающие с таким ужасным английским! Я думал, у меня плохой язык, а они у меня учились...

Ирландцы приезжали с жутким жаргонным английским языком. Французы не любят учить английский язык. В Африке франкофонные страны говорят по-французски. Туда (в франкофонные страны Афри-

¹⁸ Это соглашение Марокко с фронтом ПОЛИСАРИО, ведшего с 1973 г. партизанскую войну с армией Марокко (до 1991 г.) и с армией Мавритании (до 1979 г.), в обмен на проведение в будущем референдума среди жителей Западной Сахары.

ки) невозможно попасть в миссию ООН, не сдав тест по французскому языку, что, кстати, противоречит ооновским законам!

У ООН 6 языков – почему мы должны знать французский, а не русский. Рабочий язык в ООН – английский, значит, мы должны знать английский. В общем, в Западной Сахаре ужасный английский, примитивный, и если бы я самостоятельно не занимался, не слушал радио, телевидение, я бы опустил до их ужасного уровня.

Пробыл я там ровно год – с 8 февраля 2008 г. по февраль 2009 года. Работа военного наблюдателя заключается в наблюдении за конфликтующими сторонами. Было подписано соглашение между конфликтующими сторонами, посредником, по желанию обеих сторон, была ООН. Естественно, ООН потребовала введения военных наблюдателей, которые следят за соблюдением соглашения. Противоборствующие стороны развели на определённое расстояние друг от друга и следят, чтобы они не

стреляли, не воевали, а решали все вопросы путём переговоров.

Задача наблюдателя: ежедневно совершать патрулирование вдоль линии разведения сторон. В северной части Западной Сахары – это насыпная стена, метра 2–3, а в южной – песок, поэтому 1 метр, не больше. Где-то есть «колючка» (проволочные ограждения), какие-то другие ограждения. С марокканской стороны все минные поля почти обезврежены, а с другой стороны – нет.

ПОЛИСАРИО поддерживает Алжир, потому что все вопросы, естественно, из-за денег. Западная Аф-

рика чем перспективна: там огромное количество полезных ископаемых, которые лежат почти на поверхности. В Западной Сахаре – фосфаты (это алюминий), там есть уран, марганец, свинец. Мы летали на вертолёте, там огромные поля синего, красного, стального цвета. Как другая планета – можно снимать фантастическое кино.

Фосфат лежит прямо на поверхности – собирай и продавай. Красный – это марганец. Сотни квадратных километров красного или стального цвета. Местные власти собирают его просто с поверхности и продают.

И, как водится в африканских странах, забирают себе всё. И в Мавритании и в Западной Сахаре простое население беднейшее, поэтому там всё время возникают конфликты и перевороты. В Западной Сахаре огромные потенциальные деньги, естественно, Алжир их поддерживает, потому что надеется на дивиденды.

Марокко считает эту часть Западной Сахары своей.

Местное население настроено на независимость. И даже население, живущее на марокканской стороне, хотя Марокко очень много сделало для них: построили города, дороги, воду провели, порты построили.

Западное побережье Африки очень богато рыбой, крабами, омарами. Я был в деревушках рыбацких, они добывают огромное количество омаров, крабов, жирной рыбы. Мы покупали там буквально за копейки омаров, которые стоят 100 долларов в Европе, там доллара за 4 можно купить. Кстати, там очень законопослушные арабы: принимают только местную валюту (дирхамы). У них полицейское государство, везде стоят полицейские, любое нарушение – тут же идёт доклад.

Они очень законопослушны. Надо сказать, что население живёт неплохо.

Я считаю, что получать 100 долларов в среднем (в городах Марокко и Западной Сахары) это очень неплохо.

Они строят себе 2-этажные дома с отоплением. Не все, конечно, так живут, но большая часть. Именно за счёт того, что присутствует ООН, которая большие деньги оставляет Марокко для обеспечения, никто не заинтересован в завершении конфликта, Марокко получает и от ООН деньги, и от Франции, и от Америки, а противоположная сторона (ПОЛИСАРИО) – от Алжира.

В пустыне марокканским военнослужащим очень выгодно служить, потому что они получают двойную, а то и тройную зарплату. Большая часть армии в пустыне находится, но большей частью не укомплектована, техника вся старая: американская, советской техники очень много, американские старые танки **М60** (пушка калибра 105 мм) есть, австрийские старые лёгкие танки «**Кирасир**» (пушка калибра 105 мм).

Видно, что воевать они (марокканцы) не собираются – по линии огня стоят старые ржавые танки, у которых даже снято всё вооружение. Никакого стрелкового оружия на точках нет, только на руках стрелковое оружие, и то без патронов. Из лёгкого вооружения – автомат **Калашникова** румынского производства и бельгийская винтовка **FN FAL** (по надёжности, пожалуй, второе оружие после автомата **Калашникова**).

Сейчас идёт подковёрная борьба между США и Францией за возможность продавать оружие Марокко.

Они покупают технику у американцев¹⁹, за что те обещали поддержать их требования на автономию Западной Сахары. Алжир, естественно, против. Тайком офицеры-марокканцы мне говорили, что они среди всех наций (французы, американцы, канадцы) уважают больше русских, потому что и люди и страна у нас сильнее. Но сказали тихонько, чтобы никто не слышал.

Потому с большей охотой они покупали бы всё оружие у нас. Но Марокко – это зона влияния Франции, и с Францией ссориться не хотят ни Россия, ни Марокко. Очень много марокканцев живёт во Франции, и все оставшиеся мечтают туда или в Испанию уехать. Почти все говорят худо-бедно по-французски, это у них государственный язык. Они ориентируются на Францию.

Французы в Марокко чувствуют себя как дома.

Французы и богачи всего мира покупают земли около Марракеша. Марракеш – исторический красивый центр, поэтому многие богачи и политики из Европы и США считают своим долгом построить виллу в окрестностях. Это престижно²⁰. К тому же там комфортно, спокойно, если у вас есть деньги, то все двери открыты...

Миллионы марокканцев мигрировали во Францию, Бельгию, Голландию. Но нас (русских) они очень уважают и хотели бы с нами сотрудничать.

Марокканские арабы – очень сильная нация. Единственное, что у них, может быть, грязновато, по-

¹⁹ Имеется в виду продажа в Марокко американских истребителей **Ф-16 (F-16)**

²⁰ Ходят упорные слухи, что **Владимир Путин** приобрёл большой особняк в Марракеше. (По материалам Интернета.)

меньше порядка. Но люди не стесняются выразить своё мнение, если им что-то не нравится, они начинают тут же митинговать. Русские молчат терпеливо, а они тут же выступают. Был такой случай: задерживался рейс на 3 часа,

так марокканские арабы тут же начали возмущаться, организовали митинг: на каком основании задерживают рейс? И потребовали от компании, чтобы их отправили. И добились своего!

Это очень сильная нация. Они никогда не были колонией, у них всегда был король. Это был протекторат Франции, но у них было королевство, своё государство.

Это не Алжир, где к приходу французов никого не было, кроме диких племен. Французы создали там государство и понятно, почему они не хотели его отдавать – это была территория Франции, в которую было вложено много денег.

◆ Как подготовлены марокканские солдаты и офицеры?

И солдаты, и офицеры достаточно хорошо подготовлены, у них есть своя система подготовки, позаимствованная из Франции. Даже покрой формы такой же, как у французов, только цвет другой. Всё полностью скопировано с французской армии: система подготовки, службы, ротации и т.д. Система французской армии, в принципе, эффективна. Я общался с французскими и арабскими офицерами.

Такая система была и в советской армии, но сейчас она сломана.

Для того чтобы занять должность в мароккан-

ской армии, необходимо подготовиться и сдать экзамен. Причём, нужно несколько претендентов – открытый конкурс проводится. Например, четыре человека подают документы, готовятся в течение двух месяцев и сдают экзамены. Лучший выбирается не огульно. Жёсткая система ротации: три года – поменял место, три года – вновь поменял. И система военных городков, в которых они живут. Я не ругаю нашу армию, может быть, она придёт к этому. А у них это давно работает. И марокканцы перенимают эту систему у французов и эффективно используют в своих вооружённых силах.

Французы считают себя обиженными, потому что они первыми стали осваивать Африку и Америку. А англичане «опоздали». Но с помощью хитрых, коварных приёмов и военной силы они многое отобрали у французов. Те, конечно, обижаются.

◆ По разным источникам, в течение 300, если не 350 лет Великобритания грабила весь мир. Говорят, в Китае нет 90% тех богатств, которые имеются в китайских отделах лондонских музеев (все редкости вывезли из Китая за время опиумных войн)²¹. То же самое можно сказать про Индию, Китай, Таиланд, Египет и многие другие.

Как говорят некоторые философы: «Победитель перекроил историю реальных событий». Они (англича-

²¹ Свою долю в торговле опиумом с Китаем имела и британская королева Виктория (Прим. ред.-сост.)

не и французы) мир ограбили, но говорят, что принесли народам мир и порядок.

◆ А климат там сухой и жаркий?

Да, сухой, жаркий, но легкопереносимый и относительно здоровый. Побережье Марокко и Западной Сахары – удобнейшее место для создания зон отдыха, на туризме можно процветать. Красивое побережье, чистое красивое море, шикарная рыбалка. В Сахаре тоже разные зоны. Огромное количество животных: газели, зайцы, верблюды. Большое количество населения, которое занимается скотоводством. Климат сухой и жаркий. Летом бывает до 60 градусов, но они легко переносятся. Зимой не ниже +15.

Поэтому люди экономят на продуктах питания (не надо поддерживать тепло в организме). Едят они 1–2 раза в день. Воды много пьют. Занимаются в основном скотоводством – овец пасут. В городах, преимущественно, торговля. Доход, в основном, от ООН и туризма.

Западная Сахара, конечно, будет очень богатая страна, если добьётся независимости²², не будет воровать местная элита, будет правильный менеджмент, может расцвести. Но Марокко согласно лишь на широкую автономию: можете разговаривать на своём диалекте, устанавливать свои законы, но в пределах марокканского королевства.

²² Вряд ли Марокко захочет отпустить «свою» (западную) часть Западной Сахары. (Прим. ред.-сост.)

◆ Там берберов больше, чем арабов?

Нет, в Западной Сахаре берберов очень мало. Местные арабы называются «сахарави» (сахарский араб). Они более чёрные (видно, с местными неграми смешаны) и настроены на независимость. Регулярно проводятся в столице Эль-Айюн манифестации за независимость, видимо, откуда-то деньги поступают, но без каких-либо эксцессов. Население спокойно живёт, работает и обогащается. Им невыгодно, чтобы ООН уходила.

С 1991 г. там подписано соглашение с наблюдателями ООН. Столкновений вообще после этого между ПОЛИСАРИО и марокканской армией не было. Когда Испания отказалась от своих владений, то её интересовал только один город – Дахла, – раньше это был испанский порт, военная база. Напротив Западной Сахары в 80 милях находится испанская территория – Канарские острова. Там очень сильное испанское влияние. Канары – это чистая Испания. Там хорошо, спокойно – прекрасные условия для жизни. Многие сахарави живут там, или приезжают поиграть в казино, отдохнуть и т.д.

Сахарави больше любят Испанию, всё испанское, чем Францию и стараются уехать в Испанию. Многие знают испанский язык, учили его. Только сейчас Марокко начинает насаждать французский – официальный язык Марокко.

После того как Испания в 1960–1970-е годы отказалась от Западной Сахары, начались переговоры – кому это будет отдано. Мавритания заявила свои права на южную часть, на северную – Марокко. Мнение мест-

ной элиты никто не учитывал. Всего населения в Западной Сахаре 300 тыс. человек.

Они создали в 1973 г. свой фронт – ПОЛИСАРИО, фронт борьбы за независимость. Использовали тактику партизанских набегов: ударить и бежать. У них до сих пор есть подразделения на базе джипов, на них стоят наши **ЗПУ-2** и **ЗГУ-1** (калибра 14,5 мм). С помощью своей тактики они добились того, что Мавритания отказалась в 1979 г. от претензий на территорию Западной

Сахары. То есть пыталась претендовать, были стычки с мавританской армией, но потом Мавритания отказалась в пользу Марокко.

Были стычки с марокканской армией, они (ПОЛИСАРИО) нападали и успешно брали в плен марокканских солдат. В данный момент положение стабилизировалось и всё находится в равновесии.

За фронтом ПОЛИСАРИО стоит Алжир, который их финансирует, они одеты в алжирскую форму. Алжир хочет доступа к разработке месторождений, потому что это очень дёшево. Я видел огромное количество китайских специалистов, которые едут в Африку на разработку месторождений. Если едут российские – возмущаются американцы, если американские специалисты – возмущаются российские, а китайцами никто не возмущается, и они «тихой сапой» подминают под себя африканские страны.

◆ **Но, как говорят, китайцев простые африканцы (и арабы в частности) уже ненавидят больше, чем в своё время колонизаторов.**

Может быть. Когда шла борьба за строительство газопровода, победили китайцы. В Чаде сейчас тоже разворачивается миссия ООН. Но это должно быть добровольное желание конфликтующих сторон. Наблюдатели безоружны, они только наблюдают и информируют ООН.

Все миссии ООН очень отличаются друг от друга.

Судить обо всех по одной нельзя. Самой лучшей миссией считается Западная Сахара. Остальные все крайне не организованны, наблюдатели брошены на собственное выживание. Русские там вообще в очень невыгодном положении. В Западной Сахаре платят мало. В других платят больше, но, например, в Конго очень большие расходы на жильё, поэтому разница в оплате не существенна.

Местное население поднимает цены, чтобы заработать на ООН.

Опять же в плане болезней – это тоже очень опасно. Хроническое заболевание получишь – потом больше денег потратишь на лечение. В Западной Сахаре в этом смысле лучше – платят немного, но малярии там нет. А сколько случаев у нас было, что человек приезжает из миссии ООН и внезапно через месяц умирает. Семья остается без содержания.

Как я уже говорил, все остальные – даже китайцы – сохраняют полностью зарплату своим военным в ООН и платят ещё два оклада. В таком же положении, как мы только египтяне. Но у них уровень жизни совсем другой.

На полторы тысячи долларов, которые они получают, через год, по окончании миссии, можно купить дом. А у нас даже машину не купишь. Я ничего не за-

работал, даже машину не купил. Всё уходит на содержание семьи.

Единственный плюс – опыт общения в международном коллективе, работа со штабными ооновскими документами, плюс язык. Я немного подучил французский и усовершенствовал английский.

Я понял, кто есть кто из тех наций, что нас окружали.

Очевидна трусость европейцев к представителям африканских стран. У них создали комплекс вины за колонизацию, что они эксплуатировали их богатства, чем чёрная Африка и южная Азия сейчас напропалую пользуется, а они молчат и молча сносят все нарушения закона, которые те там допускают.

Например, в ооновских миссиях существует неприкрытый протекционизм индусско-пакистанско-бангладешских представителей. Нарушаются все принципы баланса представителей в штабных структурах. Если один попал в штаб, он вытащит всех туда, нарушая все ооновские принципы. Начальник штаба был из Пакистана, он вытащил одного из Бангладеш только за то, что он хорошо готовил (даже французы говорят, что лучше взять в штаб самого плохо говорящего по-английски русского, чем их генерала). Уровень развития у них (пакистанцев, индусов и бангладешцев) очень невысокий, умения работать нет. Ну и, естественно, взяточничество процветает.

Я слышал разговор между бангладешцем и йеменцем. Один другому говорил: «ты заплати столько-то, чтобы попасть в штаб». Одно время вдруг всех русских из штаба выдавили и появились все бразильцы. Как выяснилось, они платили деньги бангладешцу, который

был посредником, и попали в штаб. Знаний и умений у бразильцев (и других латиносов) очень мало. Английский отвратительный. Они считают, что мы должны учить испанский или португальский. А по-английски говорят откровенно плохо.

Посмотрев на это, у меня сложилась картина наций.

Я считаю, что русская – одна из лучших наций. Вот и арабы говорят: «вы лучше всех». Русский, попав в штаб ООН, старается соблюдать баланс наций, справедливость, пытается вести работу. Эти же думают только о себе и о своём кармане.

Если попадают в штаб ООН чёрные африканцы, это всё – работа завалена. Они ленивы, ничего не желают делать, только извлекать выгоду из своего положения.

Например, приехал новый начальник штаба из Гвинеи. Большой, толстый, важный. Первым его шагом по прибытии в гостиницу было требование привести к нему в номер девушку, сидящую на ресепшн²³. Он привёз свои привычки из своей страны – по всей видимости, у него такой менталитет: если ты полковник, начальник, то тебе всё можно.

Такие варианты есть даже в ООН. Мне рассказывали, что если негр из Африки служит в Нью-Йорке в штабе, он может потребовать у белого офицера, чтобы жена того спала с ним, иначе не будет продвижения по службе. Многие белые из-за этого уезжают из штаба ООН в Нью-Йорке в различные миссии, так сказать, в «field conditions» (полевые условия), поскольку в Нью-Йорке из-за таких вот чёрных начальников им продвижение «не светит».

²³ Приём постояльцев в гостиницу.

Но возвращаюсь к этому полковнику из Гвинеи. Он не понимал, что находится в мусульманской стране, где очень жёсткие полицейские законы. И что все эти девочки, сидящие на ресепшн, обычно или агенты спецслужб, или полицейские агенты, или дети довольно сильных и влиятельных людей этой страны.

Марокко – мусульманская страна. Там женщины среднего поколения ходят закрыв лицо платком и в очках, хотя и объясняют это тем, что у них модно белое лицо. Молодёжь, конечно, по-другому.

В общем, кончилось всё тем, что этого гвинейского полковника (по требованию разъярённого отца девочки, тут же примчавшегося в гостиницу, когда дочь ему позвонила и пожаловалась) марокканцы депортировали.

Не сразу, но...

И второй такой же офицер приезжает из Гвинеи. То же самое – потребовал себе девочку. Но этому объяснили сразу, что тут убить за подобное могут в два счёта. Он немного поутих. Они (негры) обычно приезжают на такие должности в ООН за взятки. Так они мне сами рассказывали в приватном разговоре.

Ни у негров, ни у арабов, ни у латиносов, ни у пакистанцев-бангладешцев-индусов нет понятия о справедливости и законности. Они думают только о себе.

Нужна должность, не важно как. Но к нам они относятся с уважением. Практически все. Они между собой быстро находят общий язык, но боятся и уважают русских и французов. Хотя французы там молчат, пытаются уйти в сторону, держать нейтралитет. Так же, как китайцы.

Французы стараются вести себя скромно, не вызывая.

◆ А немцы?

Немцев не было, были австрийцы. Очень хорошие, коммуникабельные. Обычно приезжают люди 40–50 лет, преимущественно в звании майора. Полковник у них очень высокое звание. Подполковник – на уровне нашего генерала. Умные, очень любят поговорить. У них чёткая организация. Они тоже сталкиваются с противодействием латиносов.

Что же касается представителей Восточной Европы – венгров и поляков, то они подсознательно группировались вокруг меня, выбрав лидером. Они чувствовали, что Россия – лидер. Как бы ни выпендривались, они уважают Россию и прислушиваются. Понимают, что их элита присоединилась к НАТО, потому что так выгоднее, так больше денег. Ни у венгров, ни у поляков армий уже нет.

Многие с ностальгией вспоминают времена Варшавского договора, как они братались с Советской армией.

А натовские (американцы в частности) офицеры (по их рассказам) никогда с ними за один стол не сядут, относятся очень пренебрежительно. И немцы так же. Твой авторитет зависит от твоего экономического положения.

Восточная Европа нужна НАТО только как пространство, как пушечное мясо. Им (полякам, венграм и т.д.) это очень не нравится, но сделать они ничего не могут.

А к нам они относятся очень хорошо. Естественно, на приватном уровне. В работе мы всегда могли положиться друг на друга – воспитание советское и менталитет.

Их молодые офицеры уже немного другие, но относятся к нам с симпатией и интересом.

Единственно, кто откровенно враждебно к нам относился – хорваты, это очень чувствовалось. Хотя постепенно, в процессе общения, мы и с ними нашли общий язык. Но они мне не понравились. Это всё результат пропаганды. Они все участвовали в гражданской войне в бывшей Югославии, они все – убивали. У меня было чувство опасности в отношениях с ними. Они все с удовольствием рассказывали, как убивали сербов. И пытались распорядиться, командовать. Приходилось их очень часто ставить на место.

Если кто соблюдает ооновские законы – это русские. Да, они могут выпить, подебоширить, но они бесхитростны, откровенны. Совсем не коварны, как пакистанцы, индусы, латиносы.

Латиносы вообще будут тебе улыбаться, будут хорошими, пока не закончилась последняя капля в бутылке.

Бутылка закончилась, он отворачивается и вообще тебя знать не знает. У них извращённое сознание. Абсолютно ненадёжная нация²⁴.

Очень большой интерес вызываем мы у китайцев.

Расспрашивают о политике, о **Путине**, о стране. У них сейчас политическая линия на сотрудничество с Россией. Пытались со мной вести политические беседы. Молодёжь с большим интересом к нам относится. Мы любили готовить свою кухню, они приходили и спрашивали.

²⁴ Те, кто воевал плечом к плечу вместе с кубинцами в Эфиопии, Мозамбике и Анголе, не согласны с такой точкой зрения, хотя кубинцы все же выгодно отличаются от остальных латиносов. (Прим. ред.-сост.)

Монголы к нам с интересом, преданностью относились.

Ещё были офицеры из Малайзии. Тоже очень хорошо относились.

Никто из них не понимал, почему нам так мало платят. В условиях нападений, грабежей, минных полей, приходилось работать в различных миссиях. Были даже случаи, когда убивали и съедали наблюдателей ООН. И в заложники брали. Такие ситуации сплошь и рядом в чёрной Африке.

Самые неприятные из арабов – египтяне. Очень высокомерны. Считают, что они носители культуры основателей этого мира и лучше всех знают английский, хотя трудно понять, что они говорят. Хотя мы знаем, что они к египетской цивилизации не имеют никакого отношения. Они просто завоеватели²⁵. Очень скандальны, постоянно ругаются, вступают в конфликты. Пытаются доминировать. Нет ничего хуже, чем ехать по точкам с египтянином. Он делает, что считает нужным и ничего не слушает, не воспринимает никаких советов. Есть конечно, поумнее египтяне, но их очень мало. Помню, я с одним из египетских офицеров поехал на джипе **Тойота** и просил, чтобы он не гнал. Тот не послушался и мы в итоге перевернулись, к счастью, не покалечились.

Украинцы были только один раз – экипаж на **Ан-26**, перевозили что-то. К нам относились, как к чужим.

²⁵ Наследниками строителей пирамид являются египетские христиане-копты (свыше 10% населения Египта). Подавляющее большинство египетских арабов (до 90%) не имеют коптских предков и являются потомками завоевателей-арабов, пришедших в Египет в VII веке. (Прим. Михаила Точигина.)

Они считают, что они – отдельная нация. Мы пытались с ними контактировать, но они держатся обособленно. Ну мы и не навязывались.

◆ А американцы, канадцы?

Американцев не было. Канадцев не было военных, только гражданские. Очень лояльные, вежливые, но держатся на расстоянии. Из европейских стран – итальянцы, французы были, австрийцы, ирландцы.

Ирландцы похожи во многом на нас. Пять дней работают, потом в пятницу им нужно напиться, всю субботу ходят с большой головой.

Я рассказываю всё это потому, что несмотря на то, что при подготовке нас учили «как себя вести», но деталей, которые играют очень важную роль в непосредственной работе на месте, нам никто не рассказывал, а это очень важно – знать национальные особенности людей, с которыми работаешь бок о бок...

Сейчас меня планируют отправить в миссию ООН в Конго. Как там чего будет – не знаю, но мне уже немало порассказали про Конго и про условия службы там. Судя по рассказам, весёлого мало. Что ж, поживём-увидим!

Сбор информации офицерами ООН после ночного нападения на конголезскую деревню. Провинция Итури, северо-восток Конго. Подполковник **Точигин** сидит слева 2010 г.

Контроль уничтожения найденных танковых снарядов и миномётных мин в зоне боевых действий. Западная Сахара. Сектор Смара. Сзади – **Тойота Лэндкрузер 140**. 2009 г. Фотка из архива подполковника **Точигина**

Подполковник **Точигин**
в Западной Сахаре

Подполковник
Точигин с солдатом
Конголезской
армии (FARDC).
Рядовой вооружён
китайским
автоматом **Туре 56**
и двусторонним
копьем

Точигин Михаил Юрьевич, подполковник (часть 2)

Я служил военным наблюдателем в Демократической Республике Конго (ДРК) с 26 декабря 2009 г. по 26 декабря 2010 г. ДРК – бывший Заир – бывшее Бельгийское Конго.

◆ Где вы служили в ДРК?

Мы прибыли в Киншасу (столицу страны) через Францию. Летели Москва-Париж, а затем Париж-Киншаса на Аэробусе компании «Эр Франс».

В Киншасе мы пробыли три недели. У нас был вводный курс, который рассказывал историю конфликта и задачи, которые стояли перед военными наблюдателями ООН.

После этого я был отправлен на восток страны в район Великих Озёр – уникальный по своим природным характеристикам район Экваториальной Африки, который привлекает огромное количество туристов в Танзанию, Эфиопию, Кению, Уганду, но не в ДРК, поскольку там ситуация после гражданской войны достаточно сложная.

Это высокогорье – 2000 метров над уровнем моря и очень стабильный и приятный климат. Круглый год – лето, температура днём +24, +25. Ночью +20. Хороший климат и погода приятная. И это привлекало и привлекает население с других стран. А плотность населения настолько велика, что местные племена уже не дают селиться пришлым.

Там огромный переизбыток местного населения и поэтому хватает конфликтов из-за перенаселённости этой ограниченной территории. Высокая рождаемость – больше 10 человек на семью. Я даже знаю одну семью в Уганде, глава которой имел 108 детей от нескольких жён.

Рождаемость то огромная, а работы никакой. Впрочем, работать и не надо – бананы везде растут. Живут местные жители на уровне соседской общины, то есть у них этап распада первобытно-общинного строя.

Уровень развития живущих там людей, даже не по моим оценкам, а по оценкам иностранных военных наблюдателей – на уровне ребёнка пяти или шести лет от роду. То есть глубоко эгоистичные люди, которые требуют постоянных подачек от старшего взрослого дяди – белого, работать местные африканцы не умеют и не хотят.

Требуют подачек, если не даёшь, то они возмущаются, если даёшь подачки – потом требуют ещё подачек и возмущаются, если нет, начинают крушить и резать всех подряд.

Главная их задача – не работать и получать подачки от европейцев.

И, естественно, европейцы из Западной Европы, чувствуя за собой синдром вины за колониальное прошлое, идут навстречу местным, чем-то помогают.

У русских такого синдрома нет, и негры нас постоянно путают с западноевропейцами, и пытаются вести себя с нами так, как с западноевропейцами. И когда им русские откровенно говорят, что «мы не будем себя вести как западноевропейцы или как американцы», местные начинают обижаться, и у них отношение к русским

негативное. Они нас сильно не любят (поскольку мы их посылаем вежливо куда подальше), потому что мы им не даём никаких подачек.

Западноевропейцы ведут себя там приниженно, в отличие от нас, и они готовы идти на любые уступки. И белые европейцы, которые там работают, чувствуют себя под давлением чёрного большинства, которое с них постоянно что-то требует. Очень неприятная картина.

◆ Вы упоминали, что с малярией там особо и не борются?

С малярией очень легко бороться, как нам объясняли, но менталитет большинства правителей Африки прост – хапать побольше и не давать простому населению ничего.

ДРК – очень богатая минеральными ресурсами страна, они лежат буквально на поверхности, а население – крайне нищее. Хотя у центрального правительства есть деньги за счёт алмазов (технических и ювелирных), малахита, нефти и газа, золота (лежит пластами рядом с поверхностью). И оно могло бы обеспечить всем безбедную жизнь...

До гражданской войны ДРК (Заир) являлся второй экономикой в Африке после ЮАР. Бельгийцы, уходя, оставили в 1960 г. цветущую и хорошо работающую, прекрасно функционирующую экономику, автомобильные дороги, фермы.

Но за время гражданской войны (1960, 1976–1977 гг. и позднее) произошёл полнейший развал. Даже из дорог, которые бельгийцы замостили камнями, местное население все камни повывокывривало (наверное

для того, чтобы доказать свою независимость от центра), и в итоге дорог нет.

Причём на фермах местные не живут, хотя бельгийцы оставили там хорошие благоустроенные дома. Местные построили вокруг свои хижины – мазанки из грязи и живут рядом. Они не понимают – как это жить в доме.

К тому же, в ДРК живёт много национальностей. А жители восточной части ДРК, как я уже говорил, видя, как хорошо живут на туризме Танзания и Уганда, хочет отсоединиться.

Потому появились лидеры, которые, используя настроение населения, создали партизанские движения. И многие части ДРК пытались и пытаются отделиться.

◆ Я где-то читал, что, по меньшей мере, 12 значительных сепаратистских движений имеются в ДРК.

На востоке страны очень сильно себя чувствует LRA (Lord Liberation Army) (Армия сопротивления Господа – изначально угандийская). Не знаю, кто её поддерживает, но это очень сильная военная организация, и она ведёт активные боевые действия на северо-востоке ДРК.

В конголезской (правительственной) армии тоже процветает продажность и воровство. До солдат не доходят даже продукты питания. И солдаты убивают обезьян, обируют местное население. Некоторые армейские подразделения поделили территорию на части, и каждое подразделение регулярно обирает «выделенные» им деревни.

Наша задача была ездить по деревням, собирать жалобы и посылать их в штаб-квартиру. В результате мы пресекли многие их действия против мирного населения.

Моральное состояние армии ДРК крайне низкое. Вооружены они автоматами **Калашникова**, но затрудняюсь сказать, чьего производства – с трехгранным откидным штык-ножом [китайский **Туре 56**], запрещённым международной конвенцией. Возможно китайские или румынские.

Оружие солдаты не чистят, за ним не смотрят, но, как вы знаете, наше оружие (в том числе и лицензионное) **АК** и **АКМ** особо в чистке и не нуждается. Они прочищают ствол выстрелом. Боеготовность крайне низкая, стреляют «веером», неприцельно, от бедра, они не понимают, как нужно стрелять, используя прицел автомата.

Большинство сельского населения ДРК не говорит по-французски, хотя это – официальный язык страны. Как правило, знают французский учителя в деревнях. Многие на северо-востоке знают суахили. Но даже те, кто знают французский, говорят на очень странном французском.

У каждого **team-site** был местный переводчик, знающий французский, английский, суахили и, как правило, один из местных языков. Он оплачивался ООН. На патрулирование мы ездили на японских вездеходах **Нисан Патрол** с дизельным двигателем. Очень хорошая и надёжная машина...

Правительство ДРК до сих пор ссылается на колонизаторов, дескать, из-за них такая нищета в стране, якобы те не заботились о населении. Страна уже 50 лет как независима, но её правители продолжают валить вину

на бельгийцев, хотя те оставили им страну в отличном состоянии.

А то, что сейчас там творится – это нельзя назвать экономикой. Армия ДРК охраняет наиболее ценные месторождения и правительство ждёт, чтобы кто-то пришёл из-за рубежа и бесплатно начал добывать ископаемые, построил бы заводы, а они ничего не делали бы, а лишь получали большую часть прибыли.

Соглашаются лишь китайцы, но и они за свои капиталовложения требуют денег. Китайцы строят дороги и заводы, но лишь своими силами, поскольку местная рабочая сила абсолютно не квалифицирована.

Климат не позволяет местным африканцам развиваться так, как европейцам. Им не нужно думать о жилье, одежде и еде, потому что в таком климате всё растёт.

Они делают свою хижину-мазанку, сверху – пальмовые листья. Сажают рядом бананы, ананасы и так далее и ждут, когда что-то вырастет.

Местные негры сами говорят, что не доверяют другим чёрным. Они все очень нечестные люди, пытающиеся обмануть друг друга на каждом шагу. А уж обмануть белого это вообще – святое дело.

Практически у всех чёрных военных наблюдателей ООН, с которыми я сталкивался – у них та же психология – обмануть друг друга, обворовать – это нормально.

◆ В прошлом интервью о службе в Западной Сахаре вы рассказывали интересные вещи, характеризуя национальные особенности зарубежных военных наблюдателей.

Я служил в ДРК с военными наблюдателями из Мали, Ганы, Нигера и Нигерии. По три-четыре представителя от каждой страны. Большинство из них – глубоко нечестные люди, глубоко непрофессиональные, совершенно необразованны, всячески пытаются избежать какой-либо работы. Всё сваливают на белых офицеров. Даже в патрули отказываются ездить. Месяцами сидят в офисах и ничего не делают. А ведь ездить в патрули – это их прямая обязанность. Может просто бояться, не знаю.

Негры могут своего товарища-офицера из африканской страны элементарно обокрасть, подставить, ограбить. Могут у любого взять в долг деньги и потом не отдать, сказав, что «ты мне ничего не давал в займы». Собирать деньги на питание и ничего не покупать, а деньги прикарманить. Всё время пытаются обмануть других. Для негров всё это – нормально.

У них у всех ходит один девиз «DDR (Drop Dollar and Relax) (получи доллары и расслабься) (получи деньги и ничего не делай)». Офицеры-негры получают деньги и ничего не делают, только расслабляются, ведут аморальный образ жизни, тратят время в погоне за любовными утехами, воровством, в попытках обмануть, изъять деньги у местного населения.

Мы нанимаем местное население для охраны домов, но если этим занимается африканец, он никогда эти деньги местным охранникам не отдаст.

Был у нас из Нигерии майор **Амади**. Он получил деньги за несколько месяцев, чтобы заплатить охране, а сам эти деньги присвоил и уехал домой. И охранники остались без денег.

◆ **Ничего себе!**

Да, для африканцев обворовать друг друга это – нормально. Это, кстати говоря, одна из причин вопиющей бедности в экваториальной Африке. Они прямо говорят, что мы африканцы сами друг другу не верим. Для них нормально и привычно друг друга обманывать. Очень странная психология. Поэтому у них такая всеобщая продажность. Исправить это нельзя, и напрасно они надеются, что могут побороть коррупцию.

Мало того, что африканцы воруют, но и не образованы. Был у нас капитан из Нигера **Сомено Мани**. Откровенный расист. Не знаю, может он был так воспитан. Он откровенно высказывал своё мнение – что резал бы он всех белых. И русские виноваты, поскольку помогали им только оружием (а о сотнях заводов и фабрик, построенных СССР в Африке, почему-то не вспоминал), чтобы африканцы потом воевали друг с другом. И ненавидел нас, потому что, как он объяснял, русские тоже белые, и они поставляли оружие бесплатно, чтобы негры друг с другом воевали. (А Россия африканцам почти все прежние долги списала!)

Он пытался угрожать нам, всех чёрных организовать против белых. Естественно, у него ничего не получилось, потому что никто не хотел с русскими связываться. Я был не просто офицер, но представлял Россию и обладал дипломатическим иммунитетом.

Чёрные африканцы нарушают все законы ООН. У нас служил из Мали дедушка-негр 1918 года рождения. Ему было 92 года, хотя у нас в правилах ООН чётко написано, офицеры в возрасте до 50 лет.

Хотя он приехал формально майором, но он сказал, что он полковник. Он подделал документы и сказал, что ему 58 лет. Он вообще ничего не делал. Часто у него не

было сил даже дойти до офиса. Постоянно засыпал. Все обязанности он сваливал на нас – дескать, он старенький, ничего делать не может.

Никуда не ездил, говорил: «Я знаю, что будет, если африканцы придут к нам с мачете в руках». Он даже по ночам не спал, а днём дремал. Только постоянно звонил командиру и говорил, какие все плохие и какой он хороший.

Обычная для негра ситуация – насрать на ближнего, чтобы получить какие-либо дивиденды.

Он восемь лет учился в СССР, знал русский, но делал вид, что не понимает по-русски. Но я ему создал ряд ловушек доказывающих, что он по-русски понимает и говорит. Он как минимум закончил не только военное училище, но академию им. Фрунзе.

Среди африканцев процветает продажность, кумовство. Они платят деньги, чтобы служить в штабах и на хороших должностях. Этот малиец дал взятку нигерийцу, чтобы попасть не в джунгли, а в город, в штаб. Я это точно знаю.

Хотя он сам знал лишь французский и русский, а английского не знал совершенно. Он даже платил переводчикам, чтобы те за него рапорта писали на английском. То есть, очередное прямое нарушение правил ООН²⁶.

²⁶ Перечислю фамилии. Майор **Сиди Канте (Sidi Kante)** (престарелый полковник из Мали). Почти не знал английского. Главная задача избежать патруля и какой-либо работы. Большой любитель очень молодых женщин (платил им), знал русский, но скрывал. Есть подозрение, что он дал взятку через майора Амади, чтобы попасть служить в штаб.

Самину Мани (Saminu Mani) из Нигера. Большую часть времени находился вне места службы, всячески избегая патрулей. Брал ооновскую машину и без всякого разрешения покидал место службы. Ездил в город Бунья, где

Как правило, европейцы находятся в военных миссиях ООН для массовки, их немного. И, как правило, именно их отправляют в самые дальние точки, в самые горячие точки, в самые тяжёлые для службы места.

А все негры, индусы, пакистанцы и бангладешцы стараются найти себе места полегче, побезопаснее. Особенно в штабах кругом засилье паков (пакистанцев), индусов и бангов (бангладешцев). То есть задача – не подвергать себя риску и спокойно уехать домой. А риску они подвергают белых европейцев, русских и латиноамериканцев.

◆ А южнокорейцы и китайцы?

У нас их не было, но мои коллеги? служившие в Кот д'Ивуаре, говорили, что ни южнокорейцы, ни китайцы не пользуются уважением, поскольку когда они рапортуют, они меняют своё мнение в зависимости от направления политического ветра, как флюгеры. У них нет своего мнения, они меняют его в соответствии с политической

себе нашел любовницу, которой платил, и бездельничал там. Кроме того, отличался нечестностью, склонностью к воровству. Неоднократно пытался спровоцировать местных африканцев против белых ооновцев, с целью завладения их личным имуществом, а также отличался агрессивностью против белых. Неоднократно пытался шантажировать и вымогать деньги со своих товарищей. Был замечен в махинациях с ооновскими деньгами.

Майор Amadi (Амади) из Нигерии. Всё время проводил вне места службы со своей любовницей в г. Буния, незаконно эксплуатируя ооновскую машину. Попал в аварию в результате плохого вождения, но скрыл это. Всячески избегал выполнять свои обязанности. Замечен в денежных махинациях, за что находился под следствием у военной полиции. Нечестный человек, мошенник, постоянно пытался обманывать своих товарищей по службе (*прим. М. Точигина*).

ситуацией. Поэтому не уважают ни китайцев, ни корейцев. Они как партнёры не надёжны совершенно.

◆ А из Латинской Америки наблюдатели?

Из Латинской Америки меня поразили четыре парагвайца, офицеры, абсолютно без знания английского языка. То есть шло сплошное нарушение законов и правил ООН. У них процветало поголовное каждодневное пьянство, погоня за любовными утехами с местными женщинами и полный непрофессионализм. Ничего не знают, ничего не умеют. Правил ООН не знают и не соблюдают. Пытаются ввести свои законы как у них в армии – я командир – а вы все – мои солдаты.

Конечно, это вызывало у нас гнев. Были с ними конфликты. Мы – не солдаты, а представители своих стран. Парагвайцы поразили своей необразованностью и полным незнанием английского. Для них эта миссия – приятно провести своё время и не работать.

Были у нас уругвайцы. Они были более-менее образованы и знали правила ООН, но и то, потому, что служили до этого в миссии ООН в Западной Сахаре.

Был у нас один китаец. Приехал в звании майора, но заявил, что он старший полковник (соответствует в Китае званию командира бригады), и что он переводчик в какой-то там военной академии, и что у него кандидатская степень по международной юриспруденции, что он профессор. Говорил, что знает английский с кембриджским акцентом. Но, по моему мнению, он не слишком хорошо знал английский.

Я сам преподаватель, я знаю кто такие преподаватели и кто такие профессора и, по моему мнению,

он не был похож на профессора. Он задавал слишком много вопросов, пытался мне в душу лезть.

◆ **Скорее всего, военный разведчик с легендой профессора.**

Скорее всего. Но его уровень – в лучшем случае нашего русского лейтенанта. Уровень развития китайских военных, мягко выражаясь не высокий.

◆ **Почти всегда можно распознать человека работающего на разведку или на иную спецслужбу по количеству и качеству вопросов, которые он задаёт.**

Я, понимая, кто он такой, всячески избегал какого-либо общения с ним. Он мне был абсолютно неинтересен. Никаких выдающихся способностей у этого китайца (как и знания английского языка) я не заметил, водитель он был плохой. Он ничего не знал, как военный был полный ноль, и пришлось другим его всему учить по работе военного наблюдателя.

Впечатление, что никаких специальных курсов для работы в ООН он не прошёл. Его, что называется, «Родина послала». Просто поехать провести время и денег заработать. Его сын где-то в Америке учится, он собирался потом к нему переехать жить после отставки.

◆ **Китай изображает из себя сверхдержаву, дескать, их ВВП составляет ныне девять триллионов долларов. Но с 1978 г., когда в Китае начались**

широкомасштабные реформы, рост ВВП хотя и был впечатляющий, но китайцы приписывали в два раза больше (если не в три), чем было на самом деле. Независимые специалисты считают, что реальный рост ВВП составлял (по очень оптимистическим оценкам) в два раза меньше, а реально – раза в три, если не в четыре. Получается, что реальный ВВП Китая (по различным оценкам) составляет от 3 до 6 триллионов долларов. Это же блеф невиданный в истории!

К примеру, по независимым источникам падение ВВП Китая в кризисном 2008 г. составило 10% ВВП, а по официальным данным ВВП вырос на 8%. Это же огромный мыльный пузырь²⁷, а не экономика.

Китай живёт за счёт экспорта дешёвых товаров, но как только США и Западная Европа загнуты от приближающегося нового мирового кризиса, то загнётся и экономика Китая, и он взорвётся без экспорта, поскольку внутреннее потребление там сравнительно небольшое.

◆ Один серьёзный отечественный экономист из новосибирского Академгородка подсчитал, что чтобы свести концы с концами и ликвидировать мыльный пузырь, созданный за счёт кредитов, надо сократить промышленное производство в мире ровно в два раза, иначе пузырь лопнет, а

²⁷ По различным оценкам от 60 до 65% населения Китая – в возрасте от 60 лет и старше, в результате там уже не хватает рабочей силы. (Прим. ред.-сост.)

это означает до 400 млн. полностью безработных только в развитых странах (по сравнению с 65 млн. полностью безработных ныне).

Это социальный взрыв и война и исчезновение десятков развитых стран мира, которые просто распадутся, не говоря уже о ещё большем количестве развивающихся стран.

Но возвращаясь к ДРК. Мы, в отличие от офицеров из других стран, проходим специальные курсы и приезжаем уже с практическим опытом, а из многих других стран приезжают, чтобы учиться на месте. А нужно же работать, и это создаёт дополнительное напряжение. То есть, работают реально лишь белые и латиносы (любые – перуанцы, уругвайцы и пр.), но если они уже имеют опыт службы в ООН.

Но многие европейцы и североамериканцы своих офицеров в джунгли не посылают, их берегут, а посылают лишь как штабных офицеров.

А наших опытных квалифицированных российских военных наблюдателей посылают в джунгли, где абсолютно неэффективно их используют.

А индо-пакистанцы и банги сидят в штабах и ничего не делают. Африканцы если и ездят по точкам, то стараются сидеть по безопасным местам, всё скидывают на европейцев и стараются избежать всякого риска.

◆ Где жили?

Где придётся. В таких же хижинах, что и местные. Жили в джунглях в землянках. На последней точке мы арендовали построенный ещё европейцами полуразру-

шенный дом без воды, света и канализации. Его аренда была недорогой (по нашим деньгам).

◆ А когда жили в хижинах, местные ползающие и летающие твари вас не донимали?

Естественно донимали. Но нам выдали противокмарную сетку. Натягивали её. Все спали под сеткой и использовали антимооситный спрей. Ночью нас пытались одолеть комары, но сетка спасала.

А пауки, змеи, крысы и прочая живность, как обычно, когда в джунглях живёшь – заползала к нам в землянку. Все скребётся по ночам. Неприятно было, но куда деваться – такова была жизнь военных наблюдателей в джунглях.

Это индо, паки, и банги жили в нормальных условиях в безопасных зонах, хотя и получали одинаковую с нами зарплату. А мы жили в таких условиях. И если для африканцев это было привычно, то для меня это было шокирующее. Ничего, потом привыкли. Противомоскитный спрей местную живность и комаров отпугивает.

У индусов, паков и бангов была почему-то очень сильная к русским неприязнь, и посылали они нас в самые горячие и отдалённые места.

Мы их гораздо умнее и опытнее, возможно именно это вызывало у них неприязнь и желание отправить нас подальше. Читать глупые команды, которые они нам присылали, было просто смешно, мы выполняли лишь разумные команды, а глупые их команды, естественно, вежливо не выполняли.

◆ Потери наблюдателей ООН на минах были, в основном?

Бандиты могут напасть и убить. Они знают, что у наблюдателей нет оружия. Могут в лучшем случае ограбить и угнать машину. Поэтому мы должны были во все патрули ездить на двух вездеходах с вооружённым эскортом бангладешцев (имевших несколько автоматов). Но, как правило, банги и паки отказывались с нами ездить, они берегли технику и берегли оружие. То есть, мы каждодневно подвергались смертельному риску. А бангладешцы и пакистанцы охраняли только сами себя.

А должны были сопровождать или на джипе или под охраной **БТР-60ПБ** советского производства, состоящего на вооружении бангладешцев. У них автоматы **Калашникова** образца 1947 г. (**АК**) и 1959 г. (**АКМ**) и китайские автоматы **Калашникова (Туре 56)** с трёхгранным штыком. Эту технику и оружие они получили бесплатно от СССР и Китая ещё в 1950–1960-е годы, и они её используют в миротворческих операциях, а потом вывозят обратно в Бангладеш для использования в следующей операции ООН.

И негры и китайцы, и пакистанцы, и индусы, и бангладешцы очень и очень ностальгируют по временам холодной войны когда им бесплатно давали и оружие, и технику и та и другая сторона. И они (в основном негры) постоянно подначивали – вот Россия станет сильной и будет конкурировать с США, и опять они будут получать бесплатные подачки и с той и с другой стороны. И очень сильно обижались, когда я им объяснял, что за бесплатно Россия ничего уже

делать никогда не будет, и вы напрасно на это надеетесь и забудьте об этом и начинайте работать сами. Забудьте о бесплатных подачках²⁸.

◆ **То, что мы сильными будем, это очевидно, но подачек африканцы от нас больше не получат. Единственное, пожалуй, это оставлять старую мало годную бронетехнику местным после завершения миссий ООН.**

Бедные страны типа Бангладеш и Пакистана всю бронетехнику забирают назад и отвозят самолётами за счёт ООН.

На военных вертолётах в ДРК (все – советского производства) летают бангладешские пилоты, а на гражданских вертолётах (**Ми-8, Ми-17**) – русские пилоты. А на гражданских самолётах (**Ан-12, Ан-26, Ан-32, Ан-74**) летают украинские лётчики.

Стоимость миссии ООН в ДРК составляет 4 млрд. долл. ежегодно, а на оплату военных наблюдателей уходит лишь 40 млн. долл. Остальное, видимо, идёт на зарплату пакам-индусам-бангам и неграм, которые сидят в спокойных местах, ничего не делают и на оплату чиновникам ООН, находящимся в Киншасе (столице ДРК).

ООН свои миссии расположило по всей территории ДРК, а зачем, если основные партизанские действия идут на северо-востоке страны?

²⁸ Россия много продаёт в Африку старого оружия (миномёты, артиллерию, винтовки) времён Великой Отечественной войны или чуть более поздних выпусков за небольшие (по сравнению с нынешними образцами вооружений) деньги. (Прим. ред.-сост.)

ДРК развалится в любом случае, поскольку племена на северо-востоке хотят жить как в Уганде и Танзании и зарабатывать на туризме.

◆ **Не проще ли ООН закрыть и сделать сводную эскадру боевых кораблей и сводную воздушно-десантную дивизию или бригаду миротворческих войск из преимущественно белых стран и стран Латинской Америки и задействовать их по мере необходимости для миротворческих операций или против пиратов? Или создать пару бригад профессиональных опытных наёмников и эскадру наёмников, как предлагалось уже многократно? Раз в 50, если не в 100 дешевле обойдётся, чем с ООН связываться. Правда тогда неясно, кто как будет давать им разрешение на принуждение к миру и на миротворческие миссии.**

В Африке осталось четыре миссии ООН, но три из них (Судан, ДРК и Кот д'Ивуар), скорее всего, в ближайшее время закроют, и останется последняя в Западной Сахаре.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что ООН как организацию нужно или полностью реформировать или распустить. Там страшная продажность, куча чиновников (в их состав можно попасть лишь по блату или за большие взятки) ничего не делает, получают по 14 тысяч долларов ежемесячно и пенсии по 60 тысяч долларов в год. За что спрашивается? За говорильню и написание никому не нужных бумажек на пяти языках? К тому же за время правления генсека ООН **Кофи Аннана** (выходца из Ганы) множество негров заполонили весь аппарат ООН.

Негры стараются убежать в Европу и Канаду и США и там сидеть на пособиях, но не работать. Эмиграция из Африки скоро приведёт к войне в Европе. Французы (по их словам) страшно ненавидят арабов и негров во Франции (там по их словам уже на одного белого жителя приходится по два эмигранта – негра или араба), а поскольку французы – нация сильная и жестокая, они и арабов и негров перебьют с очень большим удовольствием.

Встречал я в ДРК и лётчиков из ЮАР – буров (африканеров). Негров они страшно ненавидят, говорят, они белых по 30 тысяч в год убивают в ЮАР, но и мы их не щадим.

Мне белый американец, инструктор правительственной армии ДРК говорил за бутылкой, как сильно белые американцы ненавидят:

1. Негров
2. Евреев
3. Мексиканцев.

А белые американцы (англосаксы, ирландцы, немцы-австрийцы и поляки) – сильные люди и ещё прогонят всех без исключения негров на юго-восток США из всех остальных штатов.

◆ **Вспомните что-нибудь забавное.**

Была у нас женщина-офицер из Ганы. В звании подполковника. Её назначили нашим начальником (team-leader). Было очень смешно слушать её разглагольствования, когда она управляла нами. Реально, хоть она и подполковник, она по образованию – медсестра. Было забавно слушать, как эта полная чёрная женщина пыталась руководить офицерами – мужчинами, которые прошли не

одну миссию ООН. Женщина абсолютно не опытная, не квалифицированная, медсестра пыталась управлять боевыми и опытными офицерами. Это было очень забавно и смешно. И индо-пакистанские штабные офицеры отправили эту очень скандальную женщину с глаз долой. Она со скандалом все свои проблемы решала²⁹.

²⁹ В мае 2011 г. подполковник **Точигин** уволился из рядов вооружённых сил РФ после 29 лет службы и работает переводчиком.

ООН в Азии и Африке

(воспоминания российских офицеров-миротворцев)

Редакторы-составители:

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

к.и.н. Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна

Дизайнер-верстальщик Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

www.membook.ru

info@membook.ru

Подписано в печать 10.12.2012.

Формат 60x84/16. Бумага писчая.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,3.

Тираж 100 экз. Заказ № 38.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.